

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

Е. Н. Сердобинцева

Функционально-стилистические
особенности профессиональной лексики

Монография

Пенза
Издательство ПГУ
2016

УДК 409.35
ББК 81.055.51
С32

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и литературы
Мичуринского государственного аграрного университета
Н. В. Черникова;

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Липецкого государственного педагогического университета
О. В. Шаталова

Сердобинцева, Е. Н.

С32 Функционально-стилистические особенности профес-
сиональной лексики : моногр. / Е. Н. Сердобинцева. – Пенза :
Изд-во ПГУ, 2016. – 92 с.

ISBN 978-5-906855-34-3

В монографии на основе результатов исследования социолингвистических характеристик определено место современной профессиональной лексики в функциональной системе национального языка как самостоятельной структурной единицы. Выявлены основные черты коммуникативного акта в условиях профессионального дискурса, позволяющие оптимизировать профессионально-производственное общение. Проанализированы семантические категории объективности и субъективности в профессиональных наименованиях и их функциональное проявление в речевой коммуникации. Анализ использования профессионализмов в различных стилях литературного языка показал внутренние причины их жизнеспособности.

Издание предназначено для лексикологов, терминологов и лингвистов других специальностей, а также для редакторов. Оно будет интересно аспирантам и студентам высших учебных заведений.

**УДК 409.35
ББК 81.055.51**

*Рекомендовано к изданию научно-техническим советом
Пензенского государственного университета
(протокол № 4 от 03.03.2016)*

ISBN 978-5-906855-34-3

© Пензенский государственный
университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Место профессиональной подсистемы в функциональной структуре национального языка.....	6
1.1. Социолингвистические основания профессиональной подсистемы национального языка.....	6
1.2. Разговорная речь и профессионализмы	10
2. Основные черты коммуникативного акта в условиях профессионального дискурса	17
3. Выражение категорий объективности и субъективности в функционировании профессиональной лексики.....	26
3.1. Номинативные профессионализмы с логико-предметным (денотативным) значением.....	29
3.2. Номинативно-коннотативные профессионализмы.....	31
3.3. Коннотативная семантика профессиональных номинаций.....	33
3.3.1. Состав коннотаций профессиональной лексики (на примере одной из отраслей народного хозяйства).....	43
4. Функционирование профессионализмов в литературном языке.....	54
4.1. Профессионализмы в разговорном стиле	54
4.2. Профессионализмы в официально-деловом стиле	56
4.3. Профессионализмы в научном стиле	60
4.4. Профессионализмы в публицистическом стиле	67
4.5. Профессионализмы в художественном тексте	72
Заключение.....	82
Список литературы.....	85

Введение

Лингвистика в XX в. объектом своего изучения выбрала «язык в самом себе и для себя» [Соссюр Фердинанд де, 1977 : 267], что определило системно-структурное направление исследований. Такой подход к изучению языка обогатил, углубил и расширил традиционное языкознание [Апресян, 1966 : 280] и показал, что язык не способен существовать сам по себе и для себя. Действительность требовала не просто описания фактов, но и объяснения их бытования. Во второй половине XX в. начинает активно развиваться функционально-стилистический подход к изучению языка, рассматривающий стилистические и социальные аспекты жизнедеятельности языка.

В социальной деятельности человека труд занимает одно из главных мест. Язык, обслуживая профессионально-трудовые коммуникации, выделяет систему специальной лексики, в которую входят профессионализмы наряду с официальными терминами. Термины и профессионализмы различаются статусом и местом в системе национального языка, семантическим составом, словообразовательными и структурными особенностями [Сердобинцева, 2011].

Термины официальны и кодифицированы, они соотносятся с научным стилем, находятся в рамках литературного языка. Основное свойство семантики терминов – точность, «так как они создаются для обозначения специальных понятий и специальных предметов, реализуя номинативно-дефинитивную функцию» [Сердобинцева, 2012 : 397]. Значение терминов объективно и лишено эмоционально-оценочной окраски (Моисеев, Капанадзе, Квитко, Лейчик). Относясь к научному стилю, термины используют словообразовательные ресурсы книжной речи русского литературного языка: основным способом выступает морфологический, в нем наиболее предпочтительными являются аффиксация и сложение. Структура термина разнообразна: термин может быть представлен лексемой и многословным наименованием.

Особенностью профессионализмов является в первую очередь отсутствие дефиниции. Таким образом, «профессиональные наименования выполняют только номинативную функцию, отражая наивную картину мира конкретной профессии в отличие от научной картины мира в терминологии» [Сердобинцева, 2012 : 399]. При этом профессионализмы характеризуют и оценивают именуемый объект, например: *поросенок* – гидроусилитель в автомобиле; *мазила* – летчик, неточно производящий посадку. Профессиональные наименования неофициальны, преимущественно используются в устной речи и

не могут быть отнесены к литературному языку. Поэтому при их образовании используются ресурсы устной разговорной речи, среди которых значительное место отведено лексико-семантическому способу словообразования [Сердобинцева, 2011-А]. Структурно профессиональные наименования стремятся к краткости, поэтому преобладающее большинство их однословно.

Профессиональная лексика русского языка представляет собой огромный пласт в системе языка [Сердобинцева, 2011-Б]. Изучение функциональных особенностей профессиональной лексики составляет новизну и актуальность данной работы. Цель нашего исследования – очертить ареал жизнедеятельности профессиональной лексики, определить степень распространения профессиональных единиц в национальном языке, выяснить внутренние причины жизнеспособности профессионализмов. Для объективности результатов исследования было рассмотрено свыше 9000 единиц профессиональной лексики из восьми сфер профессиональной деятельности (авиа- и автотранспортной, машиностроительной, полиграфической, стекольной, строительной, хлебопекарной, электротехнической).

1. Место профессиональной подсистемы в функциональной структуре национального языка

1.1. Социолингвистические основания профессиональной подсистемы национального языка

Отправной точкой возникновения в лингвистике дихотомии «язык–речь» можно считать идеи Гумбольдта, который утверждал, что язык как масса всего произнесенного не одно и то же, что сама речь в устах народа [Гумбольдт. Цит. по: Звегинцев, 1964 : 99]. В начале XX в. Ф. де Соссюр развил и конкретизировал мысли Гумбольдта, указав, что «изучение языковой деятельности распадается на две части: одна из них, основная, имеет своим предметом язык, т.е. нечто социальное по существу и независимое от индивида..., другая – второстепенная, имеет своим предметом индивидуальную сторону речевой деятельности, т.е. речь, включая говорение...» [Соссюр. Цит. по: Звегинцев, 1964 : 42].

Результатом дальнейшей разработки проблем указанной дихотомии явилась конкретизация понятий «язык» и «речь». Одним из достижений данного исследования была поправка к положению Соссюра о несоциальной природе речи. Г. О. Винокур писал, что речь – это «не сумма индивидуальных актов только, а система, обладающая... общеобязательной значимостью, смыслом, хотя бы и в узких, но все же социальных пределах» [Винокур, 1990 : 364]. Неточным представляется и высказывание Соссюра о первичности/вторичности языка и речи. Эти два явления неотделимы друг от друга, поэтому определить первичность/вторичность их не представляется возможным. Однако, если социален язык, то и речь как реализация языка тоже социальна «в любой своей форме» [Дешериев, 1977 : 189].

Социальную сторону речи подчеркивал М. М. Бахтин, говоря, что изучение форм и типов речевого взаимодействия является отправной точкой «методологического обоснования порядка изучения языка» [Волошинов (М. М. Бахтин), 1993]. Единицей речевого взаимодействия он считал высказывание, структура которого обусловлена как конкретной ситуацией говорения, так и широкой социальной средой. Понятие речи как результата речевой деятельности соотносится обычно с текстом. Однако в теории речи вербальный продукт

деятельности человека не обязательно воспринимается как последовательная совокупность предложений – отдельное слово как «результат творческого процесса, его порождение» также является результатом речевой деятельности [Львов, 2000 : 9].

Мы рассматриваем профессионализмы как языковой материал, являющийся продуктом речевой деятельности определенной социальной группы. Такое понимание в очередной раз подчеркивает индивидуальный характер речи, которая «в любой форме своего проявления социальна, как и язык» [Дешериев, 1977 : 189]. Социальный характер речи проявляется в самом ее определении как реализации языка в общении людей. Общение не может быть несоциальным [Колшанский, 1975 : 18, 20]. Общение имеет различные формы своего проявления, что, естественно, отражается в речи, которая, приспособляясь к социальной ситуации, видоизменяет свои формы, что заметил еще Бодуэн де Куртенэ (1870) и призывал «обратить внимание на различие языка торжественного и обыденного, семейного и общественного, и вообще на различие языка в разных обстоятельствах жизни» [Бодуэн де Куртенэ, 1963 : 77]. А еще раньше, в XVIII в., социальную структуру речи выделил М. В. Ломоносов, создав теорию «штилей».

В XX в. эту идею развили представители «русского формализма», в частности, одним из первых начал разрабатывать проблему функциональной дифференциации языка и речи Л. П. Якубинский. «Речевая деятельность человека есть явление многообразное, и это многообразие проявляется не только в существовании бесчисленного множества отдельных языков, наречий, говоров и пр., но существует и внутри данного языка, говора, наречия (даже внутри диалекта данного индивида) и определяется всем сложным разнообразием факторов, функцией которых является человеческая речь. Вне учета этих факторов и изучения функционально соответствующих им речевых многообразий невозможно ни изучение языка, как непосредственно данного живому восприятию явления, ни уяснение его генезиса, его “истории”» [Якубинский, 1923 : 96]. Впоследствии к вопросу социальной дифференциации языка обращались В. М. Жирмунский, Н. М. Каринский, Б. А. Ларин, Е. Д. Поливанов, А. М. Селищев, Н. В. Сергиевский, В. В. Виноградов, Л. П. Крысин, А. Д. Швейцер и многие другие. Несмотря на это, до сих пор данный аспект лингвистики является актуальным (см.: Н. Б. Мечковская, В. И. Карасик, П. Бергер, Т. Лукман, Е. Н. Зарецкая и др.).

Социальная природа речи проявляется в известном делении общенародного языка на разновидности: литературный язык, диалек-

ты, жаргоны, просторечие, профессиональную речь и т.д. «Из самого социального характера “среды обитания” человека вытекает тот... факт, что продукты знаковой деятельности человека в процессе общения в виде изолированных знаков (символов) и текстов различного характера становятся полноправной частью указанной среды» [Дризе, 1980 : 119].

Таким образом, профессионализмы социальны по своей сути, обусловленной ситуацией профессиональной деятельности, которая «не есть простая совокупность трудовых действий, не есть беспорядочное проявление организма, а все эти действия строго организованы и подчинены иерархии целей, точно так же речевая деятельность не есть совокупность речевых актов, совокупность “брошенных” высказываний» [Леонтьев, 1969 : 27].

Речевая деятельность в профессиональной сфере отличается наибольшей иерархической структурированностью в соответствии с ситуативными запросами четкости понятий и определений в стимулах для моментального реагирования.

Любая подсистема общенародного языка состоит из трех групп языковых единиц:

- 1) абсолютно специфические единицы, свойственные лишь данной разновидности;
- 2) относительно специфические единицы, т.е. единицы, которые наряду с данной разновидностью принадлежат также другим разновидностям общего языка;
- 3) неспецифические единицы – общие для всех потенциальных разновидностей данного языка, в равной мере принадлежащие каждой разновидности [Скребнев, 1975 : 33].

Рассматривая профессиональную речь как определенную подсистему национального языка наряду с диалектами, жаргонами и просторечием, относящимися к неофициальной (нелитературной) разновидности, можно отчетливо увидеть наличие этих трех групп лексики.

Собственно профессиональные номинации, употребляемые в процессе производственного общения, и выделяют профессиональную речь в особую подсистему языка. Языковой знак, закрепленный в профессиональной сфере, несет характерную лишь для нее информацию: употребленный вне профессиональной ситуации он будет непонят в силу утраты определенных сем. Например: *Куда лететь, когда такая вуаль?* Слово *вуаль* в общем употреблении означает «кусоч тонкой прозрачной ткани или сетки, прикрепляемый к женской шляпе и обычно закрывающий лицо» или «легкая прозрачная ткань»

[Словарь русского языка, 1981 : 242]. В толковом словаре дается профессионализм фотодела – «потемнение на проявленной фото- или киноплёнке, влекущее за собой понижение контрастности изображения». Ни одно из приведенных толкований значения не подходит к слову *вуаль* в приведенном контексте. Это авиационный профессионализм, обозначающий густую сизую дымку. Следующая фраза, произнесенная в серьезном разговоре взрослыми мужчинами, вызывает у непосвященных недоумение: «**Бабу-ягу закрепит?**». *Баба-яга* – «В русских народных сказках: злая старуха-колдунья» [Словарь русского языка, 1981 : 54]. В авиационной профессиональной сфере *баба-яга* далеко не сказочный персонаж – это струбцина на самолете Л-410, функционирование которой связано с безопасностью машины на земле. Данные примеры показывают, что общеизвестные слова, приобретая новое, профессиональное значение, становятся непонятными в широком употреблении. Такие номинации указывают на определенную среду своего обитания.

Вторую группу составляют лексемы, используемые не только в профессиональной речи определенной отрасли, но и в других разновидностях национального языка. Употребление языковых единиц, принадлежащих другим подсистемам общего языка, зависит от особенностей языкового сознания (степени образованности, объема словарного запаса и т.п.) участников речевого общения. На производстве достаточно высок уровень употребления нелитературной лексики: жаргонной, просторечной, диалектной. Например: *Куда ты **прешься**? Своей **башкой** думай, а не кивай на **чайников**! Столько лет **баранку крутишь**!* *Прешься, башка* – единицы просторечного пласта национального языка, *чайник* – профессионализм специалистов сферы информационных технологий, обозначающий неопытного пользователя компьютера, получил широкое распространение, проникнув и в другие профессионально-производственные отрасли и общеразговорную речь (в данном случае в речи автомобилистов обозначает неопытного водителя). *Крутить баранку* – профессионализм автомобилистов.

Особенности употребления инородной лексики зависят от ситуации речи. В контексте официальной ситуации профессионализмы соседствуют с лексикой литературной речи: «*Впервые в мире **начинает устанавливаться противоподкатная защита – балка за передним бампером, предотвращающая подкатывание легковушки под грузовик при лобовом столкновении***». Здесь наряду с нейтральной лексикой присутствуют официальные термины (*противоподкатная защита, балка, бампер*), сочетание, относящееся к деловой речи про-

токолов (*лобовое столкновение*) и профессионализмы (*легковушка, грузовик*).

Третья составляющая любой подсистемы национального языка – общеупотребительная лексика. Именно ее преимущественно использует в речи участник профессионального коммуникативного акта, так как общеупотребительная лексика понятна всем членам общения. Кроме того, профессионализмы грамматически представлены в основном именами существительными, поэтому необходимые для создания речевого произведения лексемы других грамматических категорий черпаются из общенародного языка. Например: *«Авария – серьезная. Кузов частично оторвался от рамы, ветровик лопнул, но остался в проеме. Бензобак цел, но его горловина оторвалась. В салоне выпали из гнезд все плафоны освещения. Руль ушел вверх едва ли не на полметра – при допустимых для легковушки 8 см»*. В данном контексте профессиональные номинации составляют 12 % от общего количества, остальные – общеупотребительные слова.

По мнению ученых (Ю. М. Скребнев, Е. С. Кубрякова, Е. Б. Козеренко, И. П. Кузнецов и др.), язык может быть представлен в виде некоторой стереометрической фигуры, в которой горизонтальные срезы разделяют уровни, вертикальные же срезы выделяют субъязыки. Субъязык обслуживает ограниченную коммуникативную сферу. Определение этой сферы позволяет затем гипостазировать субъязык. Профессиональные слова, являясь частью лексической парадигмы общезыковой системы, обслуживают четко определенную сферу профессионально-производственных отношений. Таким образом, выявляется как социальная, так и лингвистическая ценность рассматриваемого явления, что определяет закономерность гипостазирования профессиональной речи как подсистемы национального языка, существующей в более мелких субъязыках конкретных профессионально-производственных отраслей.

1.2. Разговорная речь и профессионализмы

До сих пор в лингвистике нет точного определения понятия «разговорная речь». Е. А. Земская в энциклопедии «Русский язык» определяет разговорную речь как специфическую разновидность литературного языка, употребляемую в условиях непринужденного общения и противопоставленную (в пределах литературного языка) кодифицированной книжной речи. Правда, дальше можно найти оговорку: «В современном языкознании термин “разговорная речь” употребляется и с другими значениями:

- 1) любая речь, проявляющаяся в устной форме;

- 2) любая устная речь городского населения;
- 3) бытовая речь городского и сельского населения».

А затем автор предлагает иные названия-термины для выделенных ею разновидностей:

- 1) устная речь;
- 2) городская (устная) речь;
- 3) бытовая речь [Земская, 1979 : 249, 250].

Рассмотрим правомочность данных определений огромному языковому пласту под названием «разговорная речь». Устная речь, реализуемая не только в литературной разновидности национального языка, может проявлять себя и в письменной форме (бытовые письма, интернет-переписка, смс-переписка, записки и подобное), что общепризнано и в доказательствах не нуждается. «Разговорная речь – почти монополярная область устной речи. Удельный вес выделяемого в ее составе так называемого эпистолярного жанра (частной переписки) с развитием технических средств коммуникации до последнего времени резко сокращался. Однако с появлением Интернета и электронной почты роль эпистолярного стиля в речевом общении современного общества возрастает» [Бельчиков, 2005 : 27].

Определение «городская речь» является одной из характеристик просторечия: «просторечие с конца XVIII – начала XIX в. было свойственно главным образом городскому населению, не овладевшему литературными нормами, но тяготевшему к ним...» [Филин, 1979 : 239]. Этого мнения придерживаются многие ученые (Баранникова, 1974; Девкин, 1994; Капанадзе, 1984; Матвеева, 2003; Ушаков, 1935–1940 и др.). Хотя в настоящий момент появляются иные определения просторечия в силу произошедших социальных изменений: «необразованное городское население» при всеобщем среднем образовании в стране найти сложно.

Термином «бытовая речь» характеризуют в определении разговорный стиль: «Под разговорно-бытовым, или просто разговорным стилем понимают обычно особенности и колорит устно-разговорной речи носителей литературного языка...» [Кожина, 1983 : 209, а также Бельчиков, 2005 : 29; Валгина, Розенталь, Фомина, 2002 : 35 и др.].

В определении О. А. Лаптевой разговорная речь – это «разновидность устной литературной речи, обслуживающая повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющая функции общения и воздействия», хотя далее исследователь говорит о различных взаимоотношениях разговорной речи с литературным языком: «Она может выступать в качестве устной формы литературного языка (древне-

греч.), может не входить в его состав (франц. – XVI–XVII вв.), может взаимодействовать с разговорным типом письменно-литературного языка художественных произведений...или представлять собой стиль литературного языка. Существуют региональные типы разговорной речи (северно-русский и южно-русский региональные варианты литературной разговорной речи)». Затем, как на одну из важных характеристик рассматриваемого объекта, автор указывает на то, что «разговорная речь не подвергается кодификации» [Лаптева, 1990 : 407, 408].

Термин «кодификация», часто используемый лингвистами как базовая характеристика основных понятий науки, отсутствует во многих важных справочных изданиях языкознания (и в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», и в «Толковом словаре современного русского языка», и в словаре «Языковые изменения XX столетия» под редакцией Г. Н. Складчиковой, и в «Большом толковом словаре официальных терминов» Ю. И. Федоскина). Этот термин пришел в лингвистику из юриспруденции, где кодификация – это «систематизация законов государства по отдельным отраслям права, обычно с пересмотром имеющегося и отменой устаревшего законодательства». В определении дается ссылка на слово «кодекс» (от лат. *codex* – книга), имеющее два значения:

«1) единый законодательный акт, систематизирующий какую-либо область права...;

2) совокупность правил, норм, убеждений» [Словарь иностранных слов, 1987 : 233].

В лингвистике термин «кодификация» обычно используется применительно к литературному языку. «Под кодификацией литературного языка понимают систематизированное представление языковых норм в грамматиках, словарях, в сводах правил орфографии, пунктуации, орфоэпии и т.п.» [Мечковская, 1998 : 6]. «Существование языкового идеала у говорящих – вот главная отличительная черта литературного наречия с самого первого момента его возникновения, черта, в значительной мере создающая самое это наречие и поддерживающая его во все время его существования» [Пешковский, 1959 : 54]. Исходя из понятия нормированности, «узаконенной» в научных и справочных изданиях, литературный язык считается кодифицированным. Однако вопрос «идеала» можно считать спорным в силу субъективного подхода к нему. Более объективное определение нормы находим у Б. Н. Головина: «Норма – это свойство функционирующей структуры языка, создаваемое применяющим его коллективом благодаря постоянно действующей потребности в лучшем

взаимном понимании» [Головин, 1980]. Здесь в основу положены две важные черты нормы: коллектив, использующий язык, и «потребность в лучшем взаимном понимании».

Норма существует в каждом «наречии», в каждом речевом жанре. Этот вопрос находится в компетенции стилистики, которая рассматривает стилистические нормы, правда, только литературного языка. Каждый функциональный стиль имеет свои нормы и правила: «достаточно отчетливое представление о нормах отдельных функциональных разновидностей языка, несомненно, присутствует в сознании владеющих литературным языком» [Шмелев, 1977 : 9].

Но, как и в любом функциональном стиле, в каждой подсистеме национального языка существуют свои нормы, оптимизирующие общение. Речевое действие «не протекает в застывших однообразных формах, а пластично подстраивается под требования ситуации и речевой задачи, используя разные возможные пути из имеющихся в запасе и широко опираясь на разного рода индивидуальные стратегии порождения и восприятия речи» [Леонтьев, 1972 : 20, 21], формируя таким образом речевые нормы конкретной речевой ситуации. Академик В. В. Виноградов отмечал наличие норм в одной из нелитературных разновидностей национального языка: «Диалектологическая стилистика исследует такие эстетические нормы, которые определяют выбор и оценку возможных форм выражения мысли в определенной языковой сфере; этим нормам подчинены принципы комбинации словесных формул в ней. Эти стилистические нормы речевого коллектива или жанра – то поле, на котором вырастают индивидуальные отличия» [Виноградов, 1980 : 240–249].

Что считать кодифицированной единицей в общенациональном языке? Если то, что подвергается систематизации, значит любую единицу, занесенную в словарь, считать кодифицированной, так как она лексикографически систематизируется. Словарь представляет собой «единый законодательный акт» и одновременно «совокупность правил, норм», так как лексикографическая обработка представляет собой строгую систематизацию и классификацию языкового материала с опорой на определенные правила и нормы. Таким образом, любой языковой словарь является кодифицирующим элементом. Значит, говорить о невозможности кодификации разговорной речи неправомерно. Можно лишь отметить трудности кодификации, которые возникают уже на первом этапе – этапе сбора материала.

Ю. А. Бельчиков считает языковые единицы кодифицированными, если они «закреплены в академической грамматике и толковом словаре», оговариваясь, что «эти нормы, естественно, не распространяются на

некодифицированную сферу национального языка – речевое общение “внутри” говора, жаргона, на случаи междialeктных контактов и на просторечие». Однако затем Ю. А. Бельчиков поясняет: «Под академической грамматикой и толковым словарем имеются в виду соответственно описание грамматического строя и фонетики словарного состава конкретного литературного языка, системы действующих норм, регулирующих использование в речи грамматических, фонетических и лексико-фразеологических единиц» [Бельчиков, 2005 : 26]. Но описанию фонетики, грамматического и лексического строя подверглись многие говоры русского национального языка. Отмечены при их исследовании характерные «черты» в произношении, в использовании грамматических форм, в лексико-фразеологическом составе, которые могут встречаться только в одном, отдельно взятом говоре. Их использование является неписаным законом для говорящих на данном диалекте. Не это ли является нормой определенного говора?

В силу аморфности дефиниции понятия «разговорная речь» в лингвистике нет точного определения данного явления. Допускается «синонимичность в употреблении “устная форма речи”, “устная речь”, “разговорная речь”» [Сердобинцев, 1983 : 56]. Однако ученые едины в выделении основных константных или типовых особенностей разговорной речи, которые носят как лингвистический, так и экстралингвистический характер:

- а) устная форма с ее ритмико-интонационными и произносительными возможностями;
- б) диалогичность и обусловленная этим неполнота выражений;
- в) непосредственность общения говорящих, и отсюда – повышенная экспрессия, эллиптичность конструкций;
- г) тесная связь с ситуацией и связанная с ней лапидарность текста;
- д) неподготовленность (спонтанность), непосредственное творческое порождение в процессе говорения и объясняемые этим различные ассоциативные явления в семантике слов, структурные смещения, присоединительные и вставные конструкции, избыточность текста и пр. [Сердобинцев, 1983 : 56, 57; а также Земская, 1979; Кожина, 1983; Лаптева, 1990; Матвеева, 2003; Шмелев, 1977 и др.].

«...Будучи первичной в генетическом плане, разговорная речь имеет свою преимущественную сферу употребления – обиходно-бытовую, где она оптимально выполняет коммуникативную функцию и развивает соответствующие средства, используемые в устной диалогической форме собеседниками... Разговорная речь – это устная речь носителей русского языка в указанной сфере общения. Однако она не

замыкается только в данной сфере. С появлением в обществе других сфер деятельности, требовавших иных видов и форм реализации языка, возникают новые функциональные разновидности речи, а разговорная перестает быть единственной и становится в один ряд с возникающими функциональными образованиями» [Сердобинцев, 1983 : 57].

Одним из таких образований является профессиональная речь, которая отражает все основные признаки разговорной речи. Главная форма существования и функционирования профессионализмов – устная речь в профессионально-производственной деятельности человека. В письменной речи профессиональные наименования встречаются крайне редко. Они могут использоваться в профессионально-обиходных записках, когда специалисты вынуждены опосредованно обращаться друг к другу (отсутствие на месте специалиста) в случаях производственной необходимости, например: «*Палыч, посмотри свои субблоки..., что-то **корректор**... барахлит*» или «***АПЧ** не работает...*», «*...нажимаю на **клаве Enter**, а **телевизор** не реагирует*», «*...надо вызвать механика, а то **двухсторонка** не получается*».

Преимущественное функционирование в устной форме предполагает **диалогический** характер профессиональной речи, который может переходить в полилогический, например на производственных совещаниях. Как уже указывалось, профессиональные наименования используются обычно в **непосредственном** общении коммуникантов при производственной необходимости.

Неофициальность профессиональной речи – одна из главных ее характеристик, по которым она противопоставляется официальной речи с использованием терминов, образующей научный стиль книжной речи литературного языка.

Неофициальность и непосредственность вербальной профессиональной коммуникации предполагают **спонтанность** речи.

Профессиональная речь всегда тесно связана с ситуацией (**лапидарна**), так как она возникает лишь при запланированной (переговоры с диспетчером, выдача указаний, передача приказов и т.п. диктуются производственной необходимостью конкретной ситуации) или незапланированной (попутное замечание, пополнение знаний в определенной ситуации и т.п.) необходимости.

Языковые особенности, характерные для разговорной речи, ярко представлены в профессиональном дискурсе, например, преобладание номинаций с конкретной семантикой над абстрактными лексемами: *сбруя* – ремни безопасности, *труба* – коллектор пускового нагревателя, *фонари* – габаритные огни, *волосок* – тонкий провод (авто) и т.д.

Интерес вызывают слова из других подсистем языка с первоначально абстрактной семантикой, которые в результате приспособления к профессиональному субъязыку переходят в разряд конкретных. Например, физический термин *вакуум* (от лат. *vacuum* – пустота) означает среду, содержащую газ при давлениях значительно ниже атмосферного и имеет абстрактную семантику. Профессионализм автомобилистов *вакуум*, обозначая тормозную камеру, имеет конкретную семантику. Все значения общеупотребительного слова *шаг* абстрактны:

- 1) движение ногой при ходьбе;
- 2) способ передвижения военнослужащих;
- 3) расстояние между объектами.

В машиностроении *шаг* обозначает конкретный предмет – шаговую втулку.

Широко используются разговорные аффиксы при образовании профессиональных наименований – *газик, газулька, державка, лиазик, ломик, седушка, дальняк, держак, воздухан, двигун, тягун, толкач, аварийка, бибиалка, легковушка, лобовик* – и способы словообразования, характерные разговорной речи в целом: *бензовозка, дальнобойщик, маршрутка*.

Наиболее яркой морфологической чертой профессиональной речи в плане ее соответствия разговорной следует назвать отклонение в грамматической форме именительного падежа множественного числа многих имен существительных, когда вместо нормированной формы на -ы, используется форма на -а: *бампера, буфера*.

Все синтаксические особенности устной разговорной речи также представлены в профессиональном дискурсе (преобладание простых синтаксических конструкций, эллиптичность их, изменение порядка слов, эмоциональность и т.п.).

Итак, профессионализмы отвечают всем требованиям соответствия: они функционируют в диалогах и полилогах устной формы речи, лапидарны, в основном спонтанны по образованию. Непосредственность общения приводит к наличию ярких оценочных и эмоционально-экспрессивных номинаций. Функционируя в разговорной речи и являясь принадлежностью национального языка, профессионализмы занимают собственное место среди нелитературных разновидностей его функциональной структуры наряду с диалектами, социальными жаргонами и просторечием, представляя одну из подсистем.

2. Основные черты коммуникативного акта в условиях профессионального дискурса

Жизнь человека – постоянный, непрерывный процесс общения, взаимодействия с другими объектами реального мира, «в котором происходит обмен деятельностью, информацией, опытом, способностями, умениями и навыками, а также результатами деятельности» [ФЭС, 1983 : 447].

В научной сфере синонимом к номену «общение» используют термин «коммуникация» (лат. *communicatio* от *communicare* – делать общим, связывать; путь сообщения, форма связи), в толковании которого нет единства, хотя внимание ученых к проблемам коммуникации активно привлечено с 60-х гг. XX в., и зарубежная лингвистика насчитывает более сотни определений данного понятия. Такое положение объясняется многоаспектностью данного явления.

Коммуникация в философии рассматривается широко как взаимодействие объектов реальности, основанное на общении, обмене мыслями, сведениями, идеями и т.д.; передаче того или иного содержания от одного сознания к другому посредством знаков, зафиксированных на материальных носителях» [ФЭС, 1983 : 269]. Именно философия подняла важнейшие вопросы теории коммуникации, связанные с проблемами понимания и интерпретации.

Биология выделила специальное направление – этологию, изучающую поведение животных в ситуациях общения в мире природы. Этология определяет коммуникацию «как передачу сигналов между организмами или частями одного организма, когда отбор благоприятствует продуцированию и восприятию сигналов. В процессе коммуникации происходит изменение информации и взаимная адаптация субъектов», – считают Д. Льюис и Н. Гауэр [ФЭС, 1983 : 269].

Теория коммуникации технических наук кардинально меняет в настоящее время возможности взаимодействия в современном мире.

Психология, прежде всего ее социальная отрасль, изучает когнитивные способности человека, его возможности взаимодействовать с окружающей действительностью в межличностном и межгрупповом взаимоотношении [Психологический словарь, 1983; Николаева, 2003].

Коммуникативистика, являясь разделом социологии, определяет коммуникацию как «социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового

общения по разным каналам при помощи различных коммуникативных средств» [Конецкая, 1997 : 8, 9], включающих в себя мимику, общение, жесты, тон голоса, слова, письменность и «самые последние достижения по завоеванию пространства и времени» [Кули, 1994 : 238], что представляется важным для изучения индивидуального, группового и массового речевого поведения, факторов, влияющих на его изменение, и т.п.

Языкознание обращается к проблемам речевой коммуникации, которые рассматриваются в антропоцентрическом или функционально-коммуникативном направлениях лингвистики (теории речевых актов, теории текста, теории высказывания, теории дискурса). Однако в лингвистической коммуникативистике нет однозначного подхода к определению рассматриваемого понятия.

Лингвистический энциклопедический словарь не конкретизирует толкование термина: «Коммуникация – специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» [ЛЭС, 1990 : 233].

Т. В. Матвеева определяет термин «коммуникация» как общение с целью обмена информацией. В толковании значения термина «важнейшая роль» отводится языку (речи) [Матвеева, 2003 : 108], что ведет к смешению понятий «коммуникация» и «речевая коммуникация». Приравнивание речевого акта к коммуникативному в свою очередь вносит путаницу в понимание других явлений, связанных с базовыми.

Отождествлять понятия коммуникации и речи не следует. Основной отличительной особенностью человеческого общения является использование языка в его «действительном» воплощении. Хотя «для языка существовать – значит находиться в непрерывной деятельности. По-другому можно сказать, что формой существования языка является деятельность» [Звегинцев, 1996 : 155], нельзя не согласиться, что «язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*)... В подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности» [Гумбольдт, 2000 : 70].

Понятие коммуникации шире понятия речи, которая является одной из составляющих коммуникативной деятельности. Если речь, или вербальная коммуникация, осуществляется посредством языковых единиц, то коммуникация вообще использует не только знаки языка, но и знаки самых различных систем. На это указывал Р. Якобсон: «Когда мы говорим, что язык или любая другая система знаков является средством коммуникации, мы не должны забывать, что при

исследовании коммуникации нельзя накладывать ограничений на коммуникативные средства или ее участников» [Якобсон, 1985 : 377]. Таким образом, можно говорить о вербальной (речевой) и невербальной (с помощью мимики, жестов, взглядов, движения, поз) коммуникации, у которых есть единое начало – установление взаимопонимания в процессе общения.

При различении понятий речевой и неречевой коммуникации следует различать понятия «коммуникативный акт» и «речевой акт». Речевой акт «предполагает акцент на действие», а коммуникативный акт – «акцент на взаимодействие». Под речевым актом подразумевается совокупность речевых действий, высказываний; под коммуникативным актом – совокупность речевых актов. То есть, коммуникативный акт представляет собой обмен речевыми действиями, которые предполагают целенаправленность, адресованность и ориентацию на нормы речевого поведения, принятого в обществе [Клюев, 1998 : 8].

Лингвисты, по-разному рассматривая составные коммуникативного акта, едины в выделении основных компонентов его: адресант (отправитель информации, кодирующий ее), контакт (речевая ситуация), референт, код (сообщение, текст), адресат (получатель информации, декодирующий ее) (Е. В. Клюев, О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина и др.).

Основополагающую роль в общении играют «коммуникативная и речевая личности» [Караулов, 1989 : 3–8], которым коммуникативный акт обязан своим возникновением. Основополагающим звеном является «передающая» инстанция – адресант. Именно он берет на себя ответственность за начало, продолжение и завершение разговора. Адресант, исходя из личной потребности и желания организовать коммуникативный акт, должен учитывать готовность адресата к речевому взаимодействию, которая заключается в понимании мотива адресанта, в информированности относительно референта (объекта действительности, взятого для обсуждения) и владении единым тезаурусом. При отсутствии хотя бы одной составляющей коммуникативного акта общение будет нарушено.

Например, автомобилист сообщает своему знакомому (не принадлежащему к автомобилистам) информацию о третьем лице: «*Ты видел, какая у N старушка стала, наверное, изжила свое*». Адресат данной информации, принимающий коммуникативный мотив адресанта, пребывает в недоумении, так как не понимает, о каком объекте действительности идет речь: скорее всего о живом человеке женского пола. Коммуникативный акт нарушается или не создается, потому

что теряется важное звено – референт. Адресат информации не готов использовать тезаурус профессиональной речи автомобилистов, в котором номен *старушка* образно и экспрессивно выражает субъективное отношение к изношенному автомобилю. Адресат является важным звеном в структуре вербального общения, так как его реакция формирует коммуникативный акт с момента его возникновения до момента завершения.

Другие важные компоненты коммуникативного акта – референт и код. Под референтом понимается процесс соотнесения слова и объекта действительности, а под кодом – реалия языка, характерная для определенной социальной группы.

Одной из главных ценностных установок человека, мотивирующих направленность его действий, является принадлежность к определенному замкнутому сообществу. Таковым выступает группа специалистов определенной профессии, создающая тезаурус, в пределах которого происходит общение и создаются традиции этого общения. Знание этого словаря профессиональной речи является важным условием успешной коммуникации. В противном случае информация либо не будет воспринята, либо дойдет до получателя в искаженном виде. В профессиональном общении это недопустимо, так как при этом происходит нарушение производственного процесса, а также провоцируется ситуация, представляющая опасность для жизни. Например, следующий диалог может вызвать криминальные ассоциации у человека, не владеющего социально-ситуативным контекстом: «...*Вить, подай-ка мне сестренку ... – Ну ты ее прямо вусмерть затянул*». В действительности это совершенно безобидный разговор автомехаников, владеющих профессиональным тезаурусом и соблюдающих традиции вербальной профессиональной коммуникации, где *сестренка* – гайка, а *затянуть вусмерть* – закрутить туго гайку.

Участники коммуникативного акта, имея определенный социально-профессиональный опыт, а также языковую и коммуникативную компетенцию, являются носителями речевых традиций. Например: «*Так, балберочку подписал, сейчас басню скажу. Бабу-ягу освобождай... Вон горбатый пошел, теперь нам добро дадут*». Непосвященный человек может соотнести данную речь с фольклорным текстом, но больше она похожа на абракадабру. Тем не менее это обычные речевые действия летчиков перед полетом на самолете Л-410. *Балберочка* – документ о состоянии двигателя и о работах, выполняемых на самолете; *басня* – сводка погоды, сообщаемая командиром перед стартом, *баба-яга* – струбцина на самолете Л-410;

горбатый – самолет АН-26; *дать добро* – разрешить взлет. Эти речевые действия можно назвать ритуальными, традиционными для представителей авиации в заданной речевой ситуации.

Существование профессионализмов в ограниченной сфере позволяет специалистам не только почувствовать себя членами некоей замкнутой общности, но и дает возможность им понимать друг друга с полуслова, что делает коммуникативный акт успешным. Так, специалистам (программистам и пользователям) в сфере информационных технологий пришлось бы разговаривать или на английском языке, или употреблять громоздкие термины, если бы закономерно не возникла профессиональная речь «компьютерщиков».

Профессионализмы в этой области, обозначая реалии мира компьютеров, отделяют его от всего остального. Поэтому профессиональная речь зачастую непонятна людям несведущим, неспециалистам в данной области. Например, не каждому человеку станет понятно выражение *трехпальцевый салют*, которое обозначает операцию, состоящую в одновременном нажатии клавиш Ctrl–Alt–Del. Знание профессионального тезауруса позволяет определить «своих» и «чужих».

Компьютерная техника и программное обеспечение к ней создаются преимущественно в США. Новая технология получает терминологическое наименование уже в процессе работы над ней. Поэтому российское общество, в том числе и различные профессиональные сообщества, получают новый продукт с готовым наименованием на американском языке, не удобном для русского человека, даже владеющего английским языком. Для подавляющего большинства подобных терминов нет эквивалента в русском языке, поэтому происходит так называемое заполнение культурологических лакун с помощью англоязычных терминов, которые все больше и больше наполняют русский язык.

Однако устная речь требует удобства в коммуникации. Англоязычные термины приспособляются к русской речи. Некоторые из данных терминов переводятся, затем сокращаются и наполняются привычными образами. Например, один из самых часто употребляемых терминов – «*motherboard*» – в переводе на русский язык обозначает «материнская плата». В профессиональной речи этому слову соответствуют номены «*мамка*», «*мать*» и «*матрешка*». Или «*CD-ROM Drive*» переводится на русский как «накопитель на лазерных дисках», ему соответствуют профессионализмы «*сидюк*», «*сидюшник*», образованные из консонантного сочетания английских букв CD.

Применение в речи профессионализмов, понятных для группы людей, объединенных профессиональной деятельностью, в свою очередь, способствует повышению быстроты мышления, так как «речь есть процесс превращения мысли в слово, материализация мысли» [Выготский, 1934 : 311] и, таким образом, развитию интеллекта. Быстрота мышления способствует повышению реакции человека, которая делает производственный процесс более успешным.

Речевые действия складываются в речевую деятельность [Миньяр-Белоручев, 1980 : 18], представляющую речевое поведение, которое рассматривается как «совокупность конвенциональных (осуществляемых в соответствии с правилами) и неконвенциональных (осуществляемых по собственному произволу) речевых поступков, совершаемых индивидом или группой индивидов» [Клюев, 1998 : 8]. Речевое поведение формирует определенный дискурс.

Толкование понятия «дискурс» можно проследить еще в словарях XIX в. (например, Словарь немецкого языка Якоба и Вильгельма Гримма «*Deutsches Wörterbuch*», 1860 г., объясняет это слово как:

- 1) диалог, беседа;
- 2) речь, лекция.

Однако до сих пор нет однозначного понимания и этого термина [Григорьева, 2007 : 12].

Так, например, словарь Т. Левандовского различает дискурс как процесс и как результат [Lewandowski, 1973].

Одни исследователи рассматривают дискурс как текст в «совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова, 1988 : 136; Борботько, 1981 : 8] или даже как «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения» [Демьянков, 1982 : 7].

Другие расширяют семантические границы и выделяют два значения («текст, актуализируемый в определенных условиях, и дискурсивная практика» [Миронова, 1998 : 12], или «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» и «совокупность тематически соотнесенных текстов» [Чернявская, 2001 : 14, 16]), определяя, что «термины “речь” и “текст” будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину “дискурс”» [Богданов, 1993 : 5].

Третьи еще более подробно членят семантику данного понятия:

- 1) связанный текст;

- 2) устная разговорная форма текста;
- 3) диалог;
- 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу;
- 5) речевое произведение как данность – письменное или устное [Николаева, 1978 : 467].

И. П. Сусов представляет дискурс как «связные последовательности речевых актов», уточняя, что «передаваемое от говорящего слушателю высказывание (или последовательность высказываний) становится текстом, когда оно оказывается зафиксированным на письме (или с помощью звукозаписывающего аппарата). Текст выступает, таким образом, в виде информационного следа “состоявшегося дискурса”» [Сусов, 2007 : 40].

Т. А. ван Дейк представляет дискурс шире и точнее: «дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражаются менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [цит. по: Григорьева, 2007 : 21]. Понятие «дискурс» многозначно и наполняется конкретным смыслом в зависимости от научной традиции школы, его использующей. Мы присоединимся к пониманию дискурса как сложного коммуникативного явления, «включающего кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Петров, 1989 : 8].

Многообразие сфер деятельности человека обусловило существование большого количества дискурсов: политического, научного, профессионального, учебного, дискурса детской речи и т.п. Научный и профессиональный, в свою очередь, подразделяются на отраслевые дискурсы (математический, машиностроительный, медицинский и т.п.).

Изучение дискурса в современной лингвистике определяется двумя аспектами – когнитивным и коммуникативным. Когнитивный исследует процессы кодирования и декодирования информации, а коммуникативный основное внимание уделяет функциям общения, коммуникативной деятельности в рамках контекста ее осуществления, способам выражения соответствующих интенций и установок. Коммуникативный акт, являясь центральной составляющей общения, предопределяет синтез когнитивного и коммуникативного начал, так как формирование и хранение информации происходят по законам когнитивной лингвистики, а передача ее осуществляется по законам коммуникации. «В результате обработки обобщенной коммуника-

тивно значимой информации, полученной из всего предшествующего дискурсивного опыта, в сознании индивида складываются прототипические когнитивные модели, или схемы коммуникативных ситуаций, репрезентирующие типичные соотношения между их участниками и обстоятельствами... В процессе дискурсивного взаимодействия эти когнитивные модели наполняются конкретным коммуникативным содержанием» [Цурикова, 2006 : 8]. Поэтому изучение конкретных единиц языка нецелесообразно в отрыве от дискурса их существования.

Профессиональный дискурс обширен и разнообразен, так как включает в себя целую систему отраслевых дискурсов. Коммуникация представителей различных профессиональных отраслей может быть нарушена или не состояться вообще из-за дискурсивной некомпетентности участников. Например, следующая информация не может быть правильно декодирована человеком, не владеющим тезаурусом автомобильного дискурса: «Фактически, это уже известный *хэтчбек Ibiza*, но – с “*хвостиком*” в виде изолированного багажника, емкость которого на 30 литров больше, чем у предшественника...». Утрачивается важное звено коммуникативного акта – референт профессиональных наименований *хэтчбек* и *хвостик*.

Однако у всех профессиональных отраслевых дискурсов есть общие черты, позволяющие выделить их в отдельную систему. Одной из основных объединяющих черт является естественность речи, подразумевающая чаще спонтанный выбор тех языковых средств, которые обеспечивают максимальный комфорт в коммуникации. К таким средствам относятся единицы, обладающие яркой семантикой, дающей возможность выделиться слову среди лексической массы. Семантическая яркость наименования привлекает внимание и позволяет легко восприниматься сознанием человека. Поэтому в профессиональном дискурсе большое количество слов с коннотациями образности (*косить траву* – лететь близко к земле – у авиаторов; *шалаш* – форма электрического сигнала – в электронной промышленности; *хряк* – огнеупорный брус – у стеклоделов), эмоциональности (*газулька* – акселератор – у автомобилистов; *уточка* – самолет У-2 – в авиации; *таврик* – стальной профиль таврового сечения), оценочности (*банка* – автомобиль – у автомобилистов; *сопли* – ненадежное соединение проводов – в электронной промышленности) и экспрессии (*дятел* – бурильный молоток – в строительстве; *стукач* – радист – в авиации).

Как и в любой форме естественной речи, в профессиональном дискурсе можно наблюдать структурное разнообразие номенов, например: *контейнер* – этажерка для перевозки готовых изделий и

умыть хлеб – опрыскивание изделия водой перед выходом из печи в хлебопекарном деле. Но тенденция к экономии проявляется в преобладании однословных наименований и сокращении многословных и многосложных номенов: *наждак* – абразивный круг; *наука* – научное подразделение в составе научно-производственного отделения; *пробойник* – пуансон вырубной в машиностроительной отрасли; *вертикалки* – самолеты вертикального взлета; *блок* – самолетный телевизионный передатчик с дальностью действия 12 км – в авиации.

Специфика описанных явлений объясняется особенностями человеческого сознания – механизмами восприятия, внимания, памяти, которые подчиняют себе креативную необходимость научного мышления. Терминология, существующая в официальном научном дискурсе, создается искусственным путем по заранее определенным моделям в рамках заданных целей. Однако, как свидетельствует речевая практика повседневного научно-профессионального общения, искусственные номены, созданные без ориентации на свойства человеческой психики, существуют преимущественно в письменных текстах официального характера и не используются в устной речи коммуникантов научного дискурса [Сердобинцева, 2006 : 188].

Речевая ситуация, как составляющая коммуникативного акта, играет важную роль в формировании профессионального дискурса. Являясь исходной точкой речевого действия, она конкретизирует смысл информации в зависимости от обстоятельств, в которых происходит речевое взаимодействие. Профессиональный дискурс характеризуется «полуофициальностью» коммуникативной ситуации, где главную роль играют правила речевого поведения, выработанные в процессе социального взаимодействия, а не этикетные нормы. Это определяет вторую черту, характерную для всех отраслевых дискурсов, а значит общую для профессионального дискурса. Именно неофициальный характер профессионализмов, составляющих профессиональную речь, служит главной отличительной характеристикой от терминов.

Итак, профессиональный вербальный коммуникативный акт может быть оптимальным при условии присутствия всех составляющих его компонентов, учета интересов и традиций конкретного профессионального дискурса, соответствующих речевой ситуации в естественных и неофициальных условиях.

3. Выражение категорий объективности и субъективности в функционировании профессиональной лексики

Языковой компонент профессиональной коммуникации должен полностью удовлетворять запросы как отправителя, так и получателя речи, быть «индивидуальным» и «универсальным» одновременно в пределах одного языкового коллектива [Колшанский, 1984]. Универсальное проявляется в номинативных профессиональных наименованиях (*брожение* – сбраживание заварки; *валыц* – вальцевый станок; *круг* – циркуляционный стол для сортировки хлеба – в хлебопекарной промышленности); индивидуальное – в профессиональных названиях, имеющих коннотации (*самотаска* – транспортная лента с ковшами; *вертолет* – круг для готового хлеба; *дранье* – очищенное зерно – там же). Коннотативная окраска профессионализмов помогает реализовать целевые установки императивной речи: эмоциональное воздействие на адресата и эмоциональное выражение адресанта речи.

Появление и существование профессионализмов обусловлено общественной потребностью, а именно, потребностью общения участников производства в процессе практической деятельности в конкретных профессионально-производственных сферах. Такое общение, осуществляемое средствами разговорной речи, привлекает языковые единицы прежде всего не книжного характера. В нем используются стилистически разнородные средства главным образом устной речи: номены общего употребления, просторечия, специальные и диалектные слова в разной мере. Реализуя свой собственный семантико-стилистический и словообразовательный потенциал, они переосмысливаются и производят новые единицы, которые начинают функционировать в качестве профессиональных номинаций.

Функционирование языковых средств в речи – это реализация их собственных функций. Под функцией слова мы понимаем **способность** (потенциал) его выполнять определенные назначения и реализацию данной способности, **результат** функционирования его во взаимодействии со средой речи. То есть функция может быть потенциальная/языковая и реализованная, результатная/речевая. Функция слова «потенциальная» преобразуется в функцию реализованную, конкретизируясь в речевом акте взаимодействием с функциями других средств и ситуацией профессионального общения. Профессиональные номены, соотносясь и взаимодействуя с функцией официальных терминов, в разговорной речи в ситуации практической

производственной деятельности приобретают специальное, профессиональное значение. Так, в профессионализмах происходит развитие семантических и словообразовательных потенций. «Потенции языковых единиц обуславливают их функционирование и реализацию определенных целей в конкретных высказываниях, а эти конкретные реализации функций в актах речи, в свою очередь, становятся основой для формирования потенций языковых единиц, которые находят все новые и новые реализации» [Бондарко, 1987 : 197; а также Толикина, 1964].

Понятие «функция» может сближаться с понятием «значение», но они не могут быть тождественными. Всякое значение слова есть его функция, но не всякая функция может быть его значением, например, стилевая и стилистическая окраска слов, отмечаемая словарями и в исследованиях: «Современное восприятие заставляет принять слова *низвергаться, нисходить, настыр, вотще, отселе, рать* как «высокие» и «архаичные» [Григорьева, Иванова, 1981 : 77]. Определенную функцию выполняют в речи не только слова, но и паузы, например, указывается, что «эмоциональная наполненность пауз» сообщает стихам А. С. Пушкина «спокойную и умиленную задумчивость» [Григорьева, Иванова, 1981 : 77].

Исходя из такого понимания функции слов, выделяют научную, поэтическую и другую, так называемую «маркированную» лексику, свойственную той или иной сфере деятельности, и даются соответствующие рекомендации: «Язык стихотворения ориентирован преимущественно на поэтическую лексику», «...в собственно научных текстах, как правило, отсутствуют образные и экспрессивные средства» [Стилистика, 1982 : 88]. Значит, можно заявлять, что разговорно-профессиональная речь на производстве не чуждается образных и экспрессивных слов, хотя ориентируется на номинативную, прежде всего денотатную лексику.

Значение слова связано с отношением формы и содержания, с отношением его к референту и к адресанту речи. Функция же связана с понятием «тип речи», с назначением языка, с целью речи. Понятие функции опирается на понятие значения слова, а речь выступает средой, которая проявляет функции слова и взаимодействует с ними [Бондарко, 1987].

Профессионализмы соотносятся большей частью с конкретными предметами (референтами коммуникации выступают машины, части, узлы и детали к ним) той или иной профессионально-производственной сферы, т.е. относятся к объективной действительности и воплощают денотатное значение, выполняя номинативную

функцию: *балка* – передняя ось автомобиля; *баллон* – шина, резина колеса; *габарит* – подфарник (авто.); *галли* – тигельная машина; *кар-бо* – озором, способ получения фотокопий (полиграф.) и т.д.

Наряду с этим многие из них выражают отношение говорящего к обозначаемому объекту, т.е. относятся к субъективной действительности, включая в семантику и коннотативное значение: *вертянка* – авиабомба, *верхогляд* – вертолет, *летун* – летчик, *сквознячок* – космический ветер (авиа.) и т.д. Данная черта отличает профессиональные наименования от терминов, у которых субъективное отношение явно не выражается.

Если научная терминология, объединяющая в себе термины с объективным отношением, призвана выполнять функцию номинации, связанную с речевой функцией сообщения, то профессионализмы могут выполнять и номинативную и экспрессивную функции, связанные с целевым назначением речи сообщать, общаться и воздействовать. В связи с этим в состав профессиональных названий выбираются, образуются и употребляются в разговорной речи по языковым правилам, нормам и узусу такие единицы языка, которые способны выполнять названные функции. На своеобразный отбор (состав), структуриацию (форму) и содержание номенов в данном случае влияют социальная ситуация – производственная разговорно-речевая сфера и ситуация практической профессиональной деятельности, не пропускающие книжные, громоздкие и отвлеченно-понятийные номинации.

Общее функциональное отношение (объективное и субъективное) профессионализмов является связующим фактором для них в целую совокупность, выступающую средством социально-профессионального взаимодействия людей в производственной деятельности. В этом случае следует говорить о взаимной детерминации языковых средств и системы речевой коммуникации [Сидоров, 1987 : 15].

Профессионально-производственные номинации по своей функции предназначаются для системно-целесообразной организации разговорно-речевой коммуникации в узкой сфере непосредственного производственного общения, которое накладывает ограничения и на отбор и на употребление соответствующих языковых средств. Таким образом, профессиональная лексика представляет особую совокупность номинаций, которые выбраны из ресурсов языка и скомбинированы для выполнения задач оптимального общения в каждой производственной отрасли.

3.1. Номинативные профессионализмы с логико-предметным (денотативным) значением

Для анализа мы взяли 500 единиц профессиональной лексики авиационной отрасли, которые, на наш взгляд, показывают типичное для номинации во всех других сферах.

Функционирование профессиональных номинаций тесно связано с назначением речи. Все описываемые нами номинативные единицы (217 – свыше 40 %), передающие только логико-предметную информацию, связаны с речевой функцией сообщения: *имплидин* – электромашинный усилитель следящего привода; *альтернатор* – самолетный альтернатор переменного тока; *аккумуляторы* – аккумуляторные батареи; *синхрон* – таблица, подсчитывающая время вылета; *блистер* – смотровой выступ из стекла; *рейд* – полет; *ранец* – парашют; *профилактика* – техническое обслуживание; *клевание* – неоднократное покачивание носом в полете; *старт* – взлет. Их всего 30.

Другие номинанты в своем функционировании связаны не только с назначением речи сообщать что-то, но и общаться. В значении их содержится окраска разговорности, соответствующая больше не функции сообщения, а функции общения, употребления в разговорной речи. Таких номинативных профессионализмов абсолютное большинство – 183: *аппаратура*, *агрегаты* – приборы в самолете; *балансировка* – упражнения в сохранении равновесия планера на земле; *банк* – рычажок зажигания, контакт; *боковик* – ветер, не совпадающий с направлением полета; *болтает* (только в 3 лице ед. ч.) – трясет самолет в полете, воздух неспокоен; *виляние* – отклонение в полете от направления вправо, влево; *вороток* – рукоятка шарнирная; *выскок* – внезапный крутой подъем самолета с бреющего полета; *дача*, *додача ноги*, *газа*, *дожм* – движение ручки вперед; *забор* – набор высоты; *задир* – приподъем носа самолета в полете; *занос* – неправильное движение самолета на повороте, когда хвост движется быстрее головной части; *маркеры* – маркерные радиоприемники; *перелив* – заправка самолета топливом в воздухе; *скачка* – специальный автомобиль для выкачивания топлива из баков самолета; *снос* – отклонение от курса под воздействием ветра; *санитар* – самолет санитарной авиации; *рыбник* – самолет, обслуживающий рыболовные суда. Сюда же относятся и глаголы: *взлетывать* – многократно делать полеты; *взрывать* – прибавить газу на холостых оборотах мотора; *воткнуть* – двинуть рычаг управления с силой вперед и т.п.

Окраску разговорности и некоторую сниженность такие наименования приобретают во взаимодействии с другими единицами разговорной речи:

- по причине присутствия разговорно-просторечного аффикса: *козелок, скачка, спарки, восьмерка* и т.п.

- потому что слово не потеряло окраску своего общебытового источника, даже при изменении значения: *дача, забор, заливка, занос, заселение, качка, приколы, подкова* и т.п.

В профессиональной разговорной речи слова общего употребления могут менять свое денотативное отношение, переосмысливаться, входя в новые функционально-семантические связи с другими, бывшими далекими от них словами. Так, например, слово общего употребления *взлет* (подъем для полета) в профессиональной речи стало обозначать «полет, маршрут, заданный в одном направлении», тогда как слово *полет* (передвижение по воздуху) стало относиться к денотату «ошибочный пролет ориентира, который был не замечен». А слово *старт* (момент взлета) начинает употребляться в значении «подъем самолета». Как видим, происходит как бы передвижка значения с денотатов слов общего употребления, когда они стали использоваться в профессиональной речи, для обозначения других денотатов, имевших свои слова, которые, однако, в чем-то не подошли, чтобы стать профессиональными наименованиями, и были заменены. Примерно тоже можно наблюдать и в других случаях. Профессионализм *блистер* – смотровой выступ из стекла (из англ. *blister* – пузырь) заменяется словом весьма далеким, казалось бы, от названного денотата, когда появилась необходимость обозначить его применительно к другому самолету, большего размера: *моссельпром* – блистер на тяжелом самолете. И это сугубо канцелярское слово начинает функционировать в роли профессионализма в разговорной речи авиационной отрасли. В новой роли оно выполняет, скорее, не функцию сообщения, а функцию общения, заключая в своей семантике и семы коннотации экспрессивного характера (усиливаются семы размера: что-то большое, широкое).

В профессиональной речи используется достаточно высокий процент номинативных единиц, которые передают только логико-предметную информацию. Их употребление связано как с функцией сообщения, так и с коммуникативной функцией, в которой профессиональные единицы приобретают окраску разговорности за счет словообразовательных средств или лексико-семантического способа образования.

3.2. Номинативно-коннотативные профессионализмы

В роли профессиональных номинаций функционируют и такие, которые относятся не только к предметному денотату, но и выражают коннотативные значения. Они могут использоваться в разговорной речи, предназначенной как для сообщения, общения, так и для воздействия.

Их немного – около 20 % (36 единиц на 250 номинаций с логико-предметным значением): *ас* – выдающийся летчик, мастер летного дела; *аппарат* – самолет; *академия* – штурманские курсы; *болтовня* – воздушная качка самолета в полете; *изоляция* – карантин; *промаз* – приземление не у посадочного знака; *промазать* – посадить самолет далеко от посадочного знака; *ручка* – рычаг управления самолетом; *старшина* – главный прожектор с сильным пучком света; *уралочка* – местная авиалиния в аэропорту; *флагман* – штурман; *барахлит* – плохо работает мотор; *вальсировать* – произвольно описывать кривые в воздухе, не выдерживая направления; *взлетывать* – многократно летать на самолете; *вспорхнули* – взлетели.

В семантической структуре их присутствуют семы, которые связаны не только с денотатом. Они, выражая оценочность или образность, вносят в семантику коннотации, слово получает окраску экспрессивности и разговорности. Этому способствуют не только переосмысление как лексико-семантический прием, но и морфологические средства образования данных номинаций (*взлетывать*, *вспорхнули*, *промаз*, *промазать*, *уралочка*) и сами разговорно-просторечные слова, послужившие базой для образования профессионализмов (*болтовня*, *барахлит* и др.).

Значительно больше номенов, в которых преобладают коннотации над денотативными семами. Вследствие этого такие профессионализмы участвуют в реализации главным образом функции общения и воздействия: *Антей* – самолет АН-22; *бамбук* – плохо дело (предикатив); *боб* – задержка перед вылетом; *бомбер* – 1) летчик бомбардировщика, 2) самолет-бомбардировщик; *бомбардир* – летчик бомбардировщика; *вертянка* – авиабомба; *верхогляд* – вертолет; *выбрасыватель* – парашют; *высотенка* – то же, что и высота; *вялый и вяловатый* – самолет, слабо реагирующий на управление: «*машина вялая*»; *гады* – уставная обувь; *иошка* – самолет И-16; *канцелярия* – второй пилот; *капеллан* – замполит: «*вызывали к капеллану*»; *клевши* – шасси; *кашка* – курсантский знак «К» на погонах; *кукурузник* – самолет АН-2; *летун* – летчик: «*хороший из тебя летун полу-*

чится»; *лифты* – воздушные потоки, воспринимаемые планером; *массандра* – пятидесятипроцентный технический спирт; *масленка* – масляный фильтр; *маслопуп* – специалист по самолету и двигателю; *метео* – метеостанция; *мигалка* – проблесковый маяк; *Митрич* – вертолет МИ-3; *петельки* – самолеты ПЕ-2, *пентагон* – штаб авиаотряда; *подушка* – рессора для взлетной полосы; *покупатель* – летчик, принимающий на заводе новые самолеты; *промерчик* – определение направления ветра; *помка* – парашют марки ПО-9; *сквознячок* – космический ветер; *тихоход* – самолет ПО-2; *удвийка* – самолет У-2; *форсунка* – реактивный самолет; *хозяин, старшой* – командир; *шпага* – пятидесятипроцентный технический спирт; *балдеть* – теряться от впечатления от полета и некоторые другие.

Разговорный характер и окраску сниженности они сохраняют, будучи взятыми из обиходно-разговорного источника: *верхогляд, гады, ишак, Митрич, утка* и др. Могут приносить ее словообразовательные элементы: *бомбер, высотенка, масленка, петельки, пунктики, сквознячок, иошка, ушки, маслопуп* и др.

Коннотации создаются также разными средствами. Переосмысление обычных слов изменяет их функции, слова становятся профессионализмами, приобретая в следующих примерах значение оценки: *бамбук* – плохо, *мы-пять: мы* – наши, советские, *пять* – высшая оценка, отлично и др., или сохраняя имевшуюся и усиливая ее: *вялый, тихоход, хозяин* и др. Эмоциональную окраску профессионализмы приобретают за счет словообразовательных средств и путем переосмысления. В таких случаях наблюдается больше номинаций, которые несут в себе эмоционально-оценочную окраску: *Антей, боб, бомбардир, бомбер, гады, капеллан, кашка, масленка* и др. В некоторых случаях номены имеют яркую образность за счет сохраняющихся общеупотребительных значений, воспринимаемых наряду с новыми, профессиональными: *верхогляд, выбрасыватель, канцелярия, клешни, лифты, форсунка* и т. п.

В некоторых случаях переосмысление приводит к энантиосемии в профессионализмах. Слово *высотенка*, имеющее в общем употреблении значение уменьшительности, приобретает в профессиональном функционировании противоположное значение «большая высота»: «**Высотенка**, прямо скажу, здоровенная». То же наблюдаем и в слове *массандра*, обозначающем в общем употреблении марку легкого крымского виноградного вина; переносное профессиональное значение – пятидесятипроцентный технический спирт, о крепости которого можно судить по второму его профессиональному обозначению – *шпага*.

В функционировании профессионализмов встречается мало таких, которые имеют окраску разговорности без коннотаций, употребляются они в речи главным образом с целью общения, а не сообщения (около 50 номинаций на 290 единиц, используемых для общения): *Ап-ля* – аппарат полярного запуска АПЗ-1; *авиатор* – летчик; *боевики* – старые трофейные самолеты; *болтаться* – уклоняться от боя; *бустер* – помпа – насос для подкачки; *валежка* – самопроизвольное кренение самолета; *газ* – 1) темп работы мотора: малый, большой, полный газ; 2) ход машины: «*Прибавь газу!*», «*Газани!*»; *гамбург* – гидросамолет ГА-139, ГА-140 (немецкий); *девятка* – самолет под номером «9»: «*Девятка не вернулась*»; *кок* – обтекатель винта; *колеса* – шасси; *корпус* – фюзеляж; *мигари* – вертолеты МИГ; *одесса* – маленький ломик для демонтажнo-монтажных работ («*Поднять гайку одессой*»); *пилорама* – самолет АН-24; *санчасть* – носилки и ящик с красным крестом.

Итак, в профессиональной речи функционируют номинативно-коннотативные единицы, которые выполняют функции сообщения, общения и воздействия (около 20 %). Они содержат семы оценочности, образности, экспрессивности. Коннотации создаются разными способами: переосмысление общеупотребительных слов, за счет словообразовательных аффиксов.

3.3. Коннотативная семантика профессиональных номинаций

Несколько больше (около 75) профессиональных номинаций, в семантической структуре которых коннотации преобладают. Функционируют они в разговорной речи, главным образом с целью воздействия: *боинг* – самолет АН-24 (ирония); *бортач* и *бортик* – бортмеханик; *вузя* – самолет Вуазен (ласк.); *извозчик*, *гужбан*, *бабовоз* – летчик с пассажирской линии (ирон.); *ишак* – самолет И-16 (пренебр.); *кандейка* – помещение для хранения мелких вещей технической группы (шутл.); *медвежонок* – козенок (шутл.); *козырек* – начинающий службу выпускник авиаучилища (шутл.-ирон.); *мандричка*, *балберочка* – таблица сведений о самолете, двигателе и его работе («*Посмотри в мандричке пункт регламента*»); *веранда* – кормовой отсек гидросамолета Ш-2 (шутл.); *ветродуй* – метеоролог (ирон.); *мигушка* – самолет МИГ-3 (ласк.); *осциллограф* – трубка для откачки спирта из бака (шутл.-ирон.); *пан блудила* – штурман (шутл.); *пан водила* – командир (шутл.); *пан смазчик* – бортмеханик (шутл.); *пешка* – самолет ПЕ-2 (ласк.); *пролетарий* – самолет АНТ-3 (уваж.); *хебушка* –

хлопчатобумажное обмундирование; *шевретка* – кожаная куртка; *штурмовичок* – самолет ИЛ-2 (ласк.).

Как показывает анализ нашего материала, профессиональной лексики в авиационной сфере, выполняющей номинативную функцию и соотносящейся своим предметно-логическим значением с денотатом, примерно столько (150), сколько и номинаций, выполняющих эмотивную функцию воздействия коннотациями (100). Значительно больше профессионализмов, которые заключают в своей семантике денотативно-коннотативные части и способны выполнять номинативную и экспрессивно-эмотивную функцию воздействия (250). Исследователи отмечали, что «эмоциональная нейтральность и экспрессивная пассивность не могут быть отнесены к числу основных признаков термина, так как присущи не всем отраслям специальной терминологии, не всем терминам» [Прохорова, 1970 : 155; Красней, 1975 : 200 и др.]. Коннотации в профессиональном слове соседствуют с денотатом. Коннотации могут быть языковым элементом, «а не только речевым образованием», – утверждают лингвисты [Шаховский, 1979 : 47]. Коннотативные компоненты – оценочность, эмоциональность и экспрессивность – нередко семантически являются более информативными, чем денотативные в словах общего употребления, например *ведьма*, *душечка*, *златокудрый* и т.п. [Шаховский, 1979 : 47]. Они обычно не имеют нейтральных коррелятов.

Подобные экспрессивы используются и в производственных сферах деятельности в роли профессионализмов, например, *балдеть*, *кобелина*, *маслопун*, *опунеть*, *промазать*, *стукач*, *работяга* и т.п. Они могут соотноситься только с официальными терминами и только по денотату: *балдеть* – теряться от множества впечатлений в первом полете (профессионализм в разговорной речи летных инструкторов – «курсант балдеет»); *кобелина* – летчик; *маслопун* – специалист по самолету и двигателю; *промазать* – приземлиться не у посадочного знака; *стукач* – радиотелеграфист; *работяга* – механик самолета и т.п. «В разговорной речи потребность выражения различных эмоций значительно больше, чем в других формах и видах речи» [Каплан, 1967 : 131].

Профессиональные экспрессивы могут быть соотнесены не только с официальным термином, но и с общеупотребительными словами: *верхогляд*, *изоляция*, *курсовка*, *летун*, *ложе* и т.д. Все экспрессивы в нашем материале по их функционально-семантическим особенностям разделяются на два основных типа:

1) общеоценочные, выражающие эмоциональную оценку общего характера (хороший/плохой) и их синонимы: великолепный, от-

личный, прекрасный/нехороший, дурной, скверный): *ас* – выдающийся летчик; *бамбук* (нарекание) – плохо; *болтанка*, *болтовня* – воздушная качка; *барахлит* – плохо работает мотор; *промаз* – приземление не у посадочного знака; *флагман* – штурман и т.п.;

2) частнооценочные, имеющие частную основу, связанную:

а) с чувственным опытом («сенсорные оценки» – М. Д. Арутюнова): *виляние* – отклонение в полете то вправо, то влево; *выскоч* – внезапный крутой подъем с бреющего полета; *вспорхнули* – взлетели; *зарывание* – потеря высоты; *клевок* – однократное покачивание носом самолета в воздухе; *порхание* – свободный полет парашютиста и др.;

б) этическим и эстетическим отношением к объекту: *академия* – штурманские курсы; *Антей* – самолет АН-24; *боевики* – старые трофейные самолеты; *воткнуть* – поразить, удивить кого-то; *старшина* – главный прожектор с сильным пучком света; *тренажерка* – место изучения самолетовождения и др.;

в) утилитарным отношением к объекту: *выбор* – выход из крена путем выбора ручкой; *заваживание* – излишне долгая, многократная вывозка курсанта на самолете при обучении; *лифты* – воздушные потоки, ощущаемые в полете, и др.

Все экспрессивы названных групп несут информацию о субъекте. Эта лингвистическая коннотативная информация находится в семантической структуре номинации, как правило, наряду с денотативной. Коннотация в некоторых профессионализмах может быть главной, когда они выполняют функцию воздействия. «Ее содержанием является как формально выраженная, так формально и невыраженная эмотивная информация, которая может быть для данного речевого поступка более релевантной, чем фактологическая (предметно-логическая) информация» [Шаховский, 1979 : 40]. Формально невыраженная экспрессивность может вызываться прежним денотативным компонентом семантики слова, которое в роли профессионализма соотносится уже с иным денотатом: *виселица* – приспособление для снятия мотора; *волкодавы* – форменные ботинки большого размера; *бычий глаз* – компас КИ-13 (магнитный компас) для определения магнитного курса; *хозяин* – командир самолета и т.д.

Эмоциональная оценка может быть одним из признаков референта, закрепленного в сознании людей. Она может быть как положительной: *аист* – самолет типа «Шторх»; *бабочка* – стабилизатор, фигурный щиток для отвода пороховых газов от воздухоприемников двигателя; *пилотесса* – женщина-пилот; *ушки* – самолеты У-2 и т.п., так и отрицательной: *безлошадник* – летчик, потерявший самолет

в бою; *болото* – место задержки, застоя недоделанных самолетов на заводе; *веретьянка* – авиабомба; *клешни* – шасси и т.п. В номинации в таких случаях участвуют и денотат и коннотат.

Коннотации связаны не только с эмотивными семами, но и с образностью профессионализмов: *галоши, гитара, голова, жабры* и др. Наши материалы не подтверждают мнение тех, кто считает образность как эстетическую функцию, не свойственную или свойственную в очень малой степени номинациям разговорной речи.

Экспрессивность профессионализмов связана и с коннотациями иронического и шуточного характера: *зайчик* – индекс светового индикатора; *звуковой* – самолет АН-12; *кашка* – курсантский опознавательный знак «К»; *козырек* – начинающий воинскую службу выпускник авиаучилища; *боинг* – АН-24; *Митрич* – вертолет МИ-3; *Иван Иванович* – мешок с песком, имитирующий пассажира во время отработки полета; *осциллограф* – трубка для откачки спирта из бака; *пилорама* – самолет АН-24; *пан блудила, пан водила, пан смазчик, пен-тагон* – штаб авиаотряда и т.п. Шуточные номинации не случайны в разговорной речи. Е. А. Земская, отмечая стилистическую неоднородность разговорной речи, обуславливает ее тем, «что разговорная речь осуществляется в двух тональностях – серьезной и шуточной, причем последняя занимает в общей структуре разговорной речи важное место. Связано это с рядом факторов экстралингвистического характера. Из них наиболее важный – непринужденность общения...», которое позволяет строить речь «с установкой на шутку, языковую игру, вводить в речь эстетические моменты» [Земская, 1987 : 29]. Шуточные наименования, «языковая игра», свойственны всем говорящим. Однако они больше распространены, как отмечают исследователи, среди лиц, хорошо владеющих литературным языком, «высокой степенью культуры», в речи которых «всякое отступление от норм приобретает роль эстетического фактора» [Земская, 1987 : 29].

Функционирование профессиональных номинативов – это поведение их в реальном процессе разговорной коммуникации в той или иной сфере производственной деятельности (что является, как известно, предметом прагматики, место которой еще не определено в науке: одни находят ей место в лингвистике: Булыгина, 1981; Кожина, 1986 и др. и называют ее лингвопрагматикой; другие отказывают ей в этом: «прагматическая информативность лежит вне ведения лингвистики» [Денисов, 1980 : 38]). Благодаря этому номинативы могут тесно связываться с конкретной ситуацией определенной профессиональной сферы. Ситуация может стать интенсификатором коннота-

ций некоторых номинативов: *бабовоз*, *гужбан*, *гильотина*, *дед*, *ишак*, *канцелярия*, *карусель*, *тихоход*, *хозяин* и т.д.

В профессиональном функционировании отдельные номинативы могут устаревать и соответственно восприниматься с окраской устарелости: *авиатор* – летчик; *автожир* – вертолет; *аппарат* – самолет; *аэроплан* – самолет; *баллон* – змейковый аэростат; *биplane* – двухместный самолет и некоторые другие.

Одни из них стали архаизмами (*автожир*, *аэроплан*, *биplane*), другие находятся в процессе выхода из активного употребления (*авиатор*, *аппарат*, *баллон*). Вместе с этим возникают чаще новые номинации: *голова* – центр передней части фюзеляжа близ места летчика; *полукапот* – авария, перевертывание самолета при посадке или взлете; *погаснуть* – свернуться (о куполе парашюта) и т.д., особенно при переносном употреблении различных слов общего употребления.

Дать полное описание взаимоотношений профессионализмов и сферы денотации невозможно, так как объективная реальность каждой производственной отрасли развивается, обогащается и усложняется. Этому объективному изменению не может соответствовать непосредственное лексическое изменение языка как более консервативного образования. Такое положение во многом обуславливает широко представленный в профессиональных номинациях перенос образований путем переосмысления слов общего употребления, что способствует возникновению экспрессивности многих номинаций.

Общая экспрессивность, о которой говорилось выше, как функционально-семантическая категория включает в себя более частные семантические категории интенсивности, оценки, эмоции, образности и т.п. Каждая из них выражается преимущественно «своими» средствами языка. Среди них важную роль выполняют в этом плане лексико-семантические переосмысления различных переносов. При этом используются и книжные слова: *академия* (образ., оцен.); *анархисты* – летчики, не выполняющие указания при выполнении полета (оценка); *балерина* – легкий самолет, весом до 300 кг (эмоц., образ.); *педагог* – инструктор (эмоц., образ.); *фантасты* – метеорологи (образ.); и разговорно-бытовые: *дед* – летчик со стажем (эмоц., оценка); *брюхо*, *живот* – нижняя часть фюзеляжа (образ); *извозчик* – летчик гражданской авиации (оценка); *колдун* – полосатый конус, надуваемый ветром на аэродроме (оцен.); *лентяй* – второй пилот (эмоц.); *нянька* – техник (эмоц., оцен.); и разговорно-просторечные: *болтовня* (эмоц.); *дура* – технический спирт (эмоц., оцен.); *подхалим* – курсоглиссадный маяк, указывающий режим полета (оцен.); *работяга* –

самолет АН-2 (оцен.); *сачок* – автопилот (эмоц., оцен.); *ябедник* – самозаписывающий прибор (оцен.); и слова-термины из других терминологий: *боцман* – бортмеханик (оцен.); *бухгалтер* – второй пилот (оцен.); *паровоз* – агрегатно-сборочный цех самолетов (образ.); *рыболовы* – противолодочные самолеты (образ); *флагман* – штурман и т.п.

Яркую экспрессивность выражают профессионализмы, возникшие путем переноса значения с живого денотата – птиц, животных – на специальный предмет, самолет: *аист* – самолет Шторх (образ.); *анаконда* – самолет МИГ-30 (оцен., образ.); *букашка* – самолет БИ-1 (эмоц.); *бычок* – ТУ-91 (эмоц.); *ворона* – самолет СВ-8 (эмоц., оцен.); *дельфин* – самолет L-29 (образ.); *жеребец* – двигатель самолета (эмоц., оцен.); *корова* – самолет ТБ-3 (оцен.); *курица* – самолет ДБЛК-2 (оцен.); *ласточка* – самолет ЛА-5 (эмоц., оцен.); *мошка* – И-16 (оцен.); *муха* – АН-2 и т.п.

Не меньшую по яркости экспрессию выражают профессиональные составные номинации, представляющие собой устойчивые сочетания (прилагательное + существительное) либо общеупотребительные, использованные переносно: *черная кость* – авиатехник; *черная смерть* – самолеты штурмовики ИЛ-2; *черный ящик* – барограф на самолете АН-2; *девичьи глазки* – локаторы; либо взятые из различных профессиональных сфер, как, например, технической: *запасные части* – части тела человека (ирон.); искусства: *гадкий утенок* – самолет АН-24; *творческий оркестр* – бюро конструкторов; цирковые представления – прыжки с парашютом; или торговли: *фирменная марка* – внешний вид авиатехника (оценка) и др. В авиационной сфере большое количество подобных профессионализмов создается: *великий жеребец* – ТУ-134; *бреющий полет* – полет на высоте до 50 м.; *грязный полет* – полет с ошибками в пилотировании, *воздушный волк* – опытный летчик; *донорские машины* – заправочные автомобили; *казанская смесь* – сорт горючего; *крылатый агроном* – самолет АН-2 в сельском хозяйстве; *меховые ползунки* – спецодежда летчика и т.п.

Яркость и сила экспрессии сохраняются и при конденсации смысла, когда употребляется лишь один компонент устойчивого словосочетания (прилагательное), выражая смысл всей конструкции: *бамбуковое* (положение) – безнадежное, тяжелое; *бреющий* (полет) – полет на низкой высоте; *вынужденная* (посадка); *грамотный* (летчик); *залетные* (деньги) – зарплата за налетанные часы и др. Сохраняются перечисленные семантические характеристики и в случае, когда прилагательное становится существительным: *бамбуковое* (положение) – бамбук; *хвостовое* (оперение) – хвост. При этом уси-

ливается, интенсифицируется сема разговорности, когда существительное образуется с помощью суффикса -к-: *вертикалка* – вертикально взлетающий самолет; *взлетка* – взлетная полоса; *летка* – летное училище; *санитарка* – санитарный самолет и т.п.

Этому же способствуют суффиксы субъективной оценки. В. П. Даниленко не отрицает наличия в терминологии форм субъективной оценки и утверждает, что «в терминологии отсутствует регулярное образование субъективной оценки, т.е. слов со значением уменьшительности, уничижительности и т.п., хотя решительно отрицать их нельзя, так как в отдельных системах можно отметить такие термины: талинки, столик, кустарнички, погончики, канатик, фрегатцы (из терминологических словарей). В этих же системах есть “нейтральные” формы: “талинки” – маленькие тали, “погончики” – уменьшенные погоны...» И отмечает, что «таких терминов много в самых разных областях знания: столбик, рыльце, пестик (в ботанике); реюшка, головка, змейка, носок, плечико (в технике)» [Даниленко, 1970 : 66].

Они встречаются и в профессиональной номинации. В русском языке, как известно, среди экспрессивных суффиксов «субъективной оценки» около 20 вариантов уменьшительно-ласкательных и пренебрежительных, есть и увеличительные. Из них в номинациях используется более десятка таких суффиксов: -к-, -ик-, -ок-, -ек-, -еньк-, -очк-, -ушк-, -енк-, -ач-, -ун-, -ин(а). При этом надо заметить, что нет единой точки зрения на уменьшительные образования: они считаются то формой слова, то отдельным словом. Это обусловлено тем, что они по-разному соотносятся с производящим словом. В терминологии образования с такими суффиксами идут в параллель с существительными без этих суффиксов, например, более двух тысяч таких параллелей отмечается в сельскохозяйственной терминологии [Комарова, 1981 : 82]. И в наших материалах некоторые номинации с суффиксами уменьшительности выражают не субъективную оценку, а объективный размер предмета или просто предмет без добавления аффективной окраски: *бортик* и его вариант *бортач* обозначают бортмеханика; *веретьянка* – авиабомба; *бачок* – бензиновый или масляный бак небольшого размера; *годишка* – нашивка на рукаве, обозначающая год обучения в училище; *козелок* – подъемник, приспособление для подъема самолета на земле, его лексико-семантический вариант – *медвежонок* – несет в своей семантике субъективное – уменьшительно-ласкательный оттенок; *лидик* – самолет марки ЛИ-2, *лошадка* – самолет сельскохозяйственной авиации (ср.: *лошадь* – самолет); *монетка* – парашют; *мордочка* – передняя кромка, ребро атаки; *мушка* – самолет И-16 и др.

В лексико-стилистическом плане «субъективные» суффиксы, как известно, резко отграничиваются от «объективных», чисто словообразовательных сем, и вносят коннотативные дополнения в значения слова – оценочную характеристику предмета, и сообщая слову окраску эмоциональности, изобразительности, придавая «стилистический ореол» экспрессии: *балберочка* и его вариант *мандричка* – таблица сведений о самолете, двигателе, их работе; *вяловатый* – слабо реагирующий на управление: «*машина вяловата*»; *ишачок* – самолет И-16; *кашка* – курсантский опознавательный знак «К»; *медвежонок* – козелок, подъемник, вид домкрата; *мигушка* – самолет МИГ-3; *петельки* – самолет ПЕ-2; *пунктики* – привычки; *слоненок*, *маслопуп* – специалист по самолету и двигателям; *удвийка*, *ушки* – самолет У-2; *иошка* – самолет И-10; *уралочка* – местная авиалиния; *хэбушка* – хлопчатобумажное (ХБ) обмундирование; *шевретка* – кожаная куртка; *штурмовичок* – самолет ИЛ-2.

Выполняя функцию характеристики объекта, данные коннотативные номинации используют различные субъективные суффиксы и по-разному характеризуют тот или иной предмет. Такие экспрессивы можно распределить на три группы с учетом отношений между уменьшительными суффиксами и производящей основой:

1) количественная характеристика (размер, объем) – *бачок*, *масленка*, *козелок* и др.;

2) качественная характеристика (ласкательность, уничижительность, неполнота признака и т.п.) – *вяловатый*, *летун*, *ишачок*, *медвежонок*, *мигушка* и др.;

3) количественно-качественная характеристика (уменьшительно-ласкательные и подобное) – *высотенка*, *годичка*, *кашка*, *сквознячок* и др. [Zima, 1958 : 254–260].

Итак, анализ показал, что в самом общем виде функция слова – это его отношение к обозначаемому предмету и к говорящему. Отношение может быть объективным и субъективным. И соответственно функция имеет два основных признака – качественный и количественный. Если слово прямо и непосредственно направлено на объект, оно выполняет номинативную функцию и участвует в организации сообщения в коммуникативном акте: *альтернатор* – самолетный генератор переменного тока; *боковик* – ветер, не совпадающий с направлением полета; *восьмерка* – 1) полет по замкнутой кривой; 2) название самолета под номером восемь; *воткнуть* – двинуть рычаг управления с силой вперед; *иллюминатор* – окно в фюзеляже; *кабрировка* – способность самолета быстро набирать высоту

в полете; *консоль* – отъемная часть в конце крыла; *мотор* – двигатель; *покорение* – испытание; *точка* – центр давления и т.п. Таких профессиональных номинаций большинство.

Если слово имеет не прямую, переносную направленность на предмет, оно выполняет номинативно-характеризующую функцию. При метафорическом, метонимическом и других видах переноса номинатор, называя предмет, сопоставляет, сравнивает его с другим, оценивает и тем самым придает коннотацию: *банк* – рычажок зажигания, контакт; *висение* – продолжительный полет планера на потоках воздуха; *выбрасыватель* – парашют; *гамбург* – гидросамолет ГА-139, ГА-140 (немецкий); *ишак* – самолет И-16; *кукурузник* – самолет У-2; *лифты* – воздушные потоки; *тихоход* – самолет ПО-2; *короли воздуха* – летчики; *королева аэрофлота* – стюардесса; *клиент аэрофлота* – пассажир; *пахарь неба* – самолет АН-2; *хозяйка самолета* – бортпроводница и т.п. Эту же двойную функцию выполняют и многие суффиксально образованные номинации, в которых выражается главным образом субъективное отношение (эмоциональность, оценочность, экспрессивность, образность и т.п.): *аннушка* – самолет АН-24; *девочка* – бортпроводница; *газанул* – увеличил обороты двигателя; *летанул* – совершил полет; *бородач* – самолет ЛА-5; *дельфинить* (о гидросамолете) – двигаться по воде, зарываясь носом; *куропачить* – прятаться от холода в снежной яме и т.п. В акте коммуникации они участвуют также в организации сообщения и воздействия: «*Прибавь газу, газани!*».

Из них немало таких, которые, выражая отношения субъекта, выполняют прежде всего функцию воздействия своей коннотацией: *обувка* – колеса и лыжи самолета; *вузя* (ласк.) – самолет «Вуазен»; *гужбан* – летчик с пассажирской линии; *осциллограф* – (ирон.) трубка для откачки спирта из бака; *одуванчик* – самолет с парашютистами и т.п. Такой подход к функциям профессиональных номинаций позволяет характеризовать их с качественной стороны.

Выполняя свои функции, профессионализмы вступают в различные отношения между собой. В результате возникают полисемия, вариантность, синонимия, омонимия, антонимия и другие лексико-семантические факты и явления как и в общеупотребительной разговорной лексике. Разговор на производстве, связанный с профессией говорящих, имеет широкий тематический диапазон, в котором «бытовое, производственное и профессиональное взаимопроникают» [Винокур, 1968 : 18]. Частично мы уже говорили о всех названных выше явлениях в первой главе. Здесь ограничимся лишь иллюстрацией возникающих семантических отношений между номинациями.

Прежде всего обращает на себя внимание обилие профессиональных наименований одного предмета, лица, как правило, важного в данной отрасли. В авиации номен «летчик» имеет около 20 различных наименований, каждое из которых называет какую-либо отдельную черту данной специальности. По значению и по форме многочисленные номинации слишком разные, чтобы как-то однозначно соотнести их между собой: параллельные наименования, слова градуальные («градонимы»), варианты, синонимы. Их объединяет только один денотат, на который переносятся или для которого образуются они. Поэтому данные наименования не образуют ряда близких слов, соотносящихся между собой и имеющих свою доминанту.

Каждая из номинаций сама по себе непосредственно относится к слову «летчик». Это слово их объединяет вокруг себя, и лишь поэтому номинации становятся соотносительными между собой. Не всегда они выступают даже параллельными, так как они разнородны семантически по форме и употреблению.

В этой совокупности номинации распределяются так. Летчик как специалист, управляющий самолетом, получает синонимическое профессиональное наименование: *авиатор*, затем образуется номинация с тем же корнем -лет-, но к нему приставляется другой суффикс, резко меняющий значение слова – *летун*, рядом с ним появляется просторечное – *кобелина*. Далее в данной совокупности можно выделить профессионализмы, относящиеся к отдельным признакам летчика-специалиста: *ас* – выдающийся летчик; *воздушный волк* – опытный летчик; *грамотный летчик* – умелый летчик; *извозчик* – летчик гражданской авиации; *гужбан*, *бабовоз* – летчик пассажирской авиалинии; *бомбардир*, *бомбер* – летчик бомбардировщика; *дед* – летчик со стажем; *канцелярия*, *бухгалтерия*, *лентяй* – второй пилот; *пилотесса* – женщина-летчик.

Среди них можно выделить: параллельные экспрессивно-характеризующие (*дед*, *кобелина*, *лентяй*); лексико-семантические и морфологические варианты с экспрессивно-номинативной функцией (*бабовоз*, *бомбардир*, *бомбер*, *гужбан*, *извозчик*, *летун*); градуальные, соотносящиеся по родовидовому признаку (*канцелярия*, *бухгалтер*) или по степени проявления признака (*ас*, *воздушный волк*, *грамотный летчик*); синонимы (*авиатор*, *пилотесса*, *король воздуха*). Как можно видеть, традиционно понимаемая синонимия не вмещает сложного взаимодействия номинаций к слову «летчик».

Аналогичную картину можно видеть и в других наименованиях, правда, с меньшим количеством их: *бортач*, *бортик*, *боцман*, *коче-*

гар, пан-смазчик – бортмеханик; *нянька, технарь* – техник; *педагог, учитель* – инструктор; *болтанка, болтовня* – воздушная качка и т.п.

Экспрессивность многих профессионализмов возникает в результате лексико-семантических переосмыслений общеупотребительных слов: *дед, лентяй* и т.п. Это приобретенная (адгерентная) экспрессивность. Она может возникать и в морфологических (словообразовательных) вариантах, когда к корню с нейтральным значением присоединяется суффикс с экспрессивным значением: *бомбер, летун* и т.п., или в сложных словах: *бабовоз, гужбан* и т.п. Есть и такие профессионализмы, экспрессивность которых была свойственна (ингерентна) словам до переосмысления и сохранялась или даже усиливалась в профессиональном употреблении.

Соотносительные слова-профессионализмы появлялись и в результате фонетико-морфологических изменений, например перестановка ударения в них: *плоскостЯ* – плоскости, *секторА* – секторы, *штурманА* – штурманы и т.п., свойственные разговорной речи, или только фонетических изменений: *шАсси* – шасси, *инжсенегр* – инженерно-технический работник на уборке территории двора или улицы, *стекловОр* – стекловар (стекольн.) и др. Отличительной чертой фонетических вариантов является то, что они несут в себе только экспрессивную значимость, обозначая тот же предмет, лицо.

Рассмотрев функции и способы выражения коннотативной окраски в профессиональном наименовании, произведем более тщательный семантический анализ составляющих коннотации.

3.3.1. Состав коннотаций профессиональной лексики (на примере одной из отраслей народного хозяйства)

Сложность изучения коннотаций заключается в том, что не каждая коннотативная сема презентована в сознании человека. Кроме того, денотативное и коннотативное значения взаимопроницаемы, поэтому бывает трудно определить границы между ними. Последние десятилетия лингвисты проявляют активный интерес к коннотативным семам (В. И. Шаховский, Н. А. Лукьянова, Л. Г. Бабенко и др.). И это не случайно – эмоция, экспрессия, оценка неотделимы от человеческой сущности. Язык, отражая действительность, жизнь, не может не отражать эмоции. Вербальное выражение эмоций позволяет по-новому взглянуть на семантические характеристики языковых единиц в их эмоционально-экспрессивной функции. Исследование коннотаций в сфере профессиональной лексики представляется особенно актуальным и с теоретической и с практической стороны.

Коннотации не содержат полного, одинакового и равнозначного набора сем во всех словах. Анализу подверглось 500 профессиональных наименований, соотнесенных с полиграфической отраслью. Коннотативную окраску имеет 80 % слов. В них выделяются семы экспрессии – у 54 %, оценки – у 88 % номенов и эмоции – у 81 % профессионализмов.

В толковании лингвистического термина «экспрессивность» отсутствует единство. Большинство лингвистов связывают экспрессивную функцию с эмоционально-оценочным аспектом сознательной деятельности человека. Однако существуют и другие точки зрения на этот вопрос. Одни считают, что экспрессивность – это лишь усиление воздействия слова и высказывания на слушающего (И. В. Арнольд, Е. М. Галкина-Федорук), другие под экспрессивностью понимают увеличение интенсивности выражения внутреннего состояния говорящего, третьи считают, что экспрессивность служит для «осуществления и существования абстрактного, обобщенного мышления» (В. В. Панфилов) и т.п. Мы под экспрессивностью понимаем интенсивность, усиление воздействия слова. При определении значения таких слов в словарях указываются или называются семы меры, степени, силы оценки, которые имеются в данном значении.

С номинативной точки зрения экспрессивные слова избыточны: в языке уже есть слово для обозначения предмета, оно нейтрально. Экспрессивное слово в сопоставлении с ним выступает как просторечное и в профессиональной речи.

Экспрессивными семами обладает достаточно большое количество профессионализмов – 216 единиц, что составляет 44 % от общего количества исследуемой лексики и 54 % от коннотативно окрашенных профессиональных единиц. В результате анализа экспрессивных сем мы выделили несколько групп профессиональных экспрессивов. В качестве примера приведем некоторые из них:

– экспрессивы с усилением признака, указывающего на профиль работы человека: *альбомщики* – рабочие, упаковывающие альбомы; *вставщики* – переплетчики, вставляющие блоки; *кадешники* – рабочие, обслуживающие крышкоделательную машину; *машинист* – рабочий, выполняющий операции на станке; *позолотчики* – печатники-теснильщики; *подборщик* – комплектовщик блока вручную; *резальщик* – машинист резальных машин; *читник* – корректор;

– экспрессивы, актуализирующие сему, указывающую на профиль рабочего процесса: *брошюровка* – брошюровочный процесс; *верстка* – сверстаный набор; *выколотка* – забивание формы; *выруб-*

ка, высечка, выдирка – удаление; *привертка* – операция обрезки сразу четырех блоков; *подъемка* – подбор листов по порядку один к одному; *самонакладка* – автоматическое приклеивание корешка; *ставка* – покрытие брошюры обложкой;

– экспрессивы с усилением семы выполняемого действия в трудовом процессе: *выдергивать* – убирать продукцию; *вырубить строку* – сократить строку; *делать сгибку* – фальцевать лист два раза; *подрезать материал* – сократить; *поломать* – выпрямить бумагу; *пожирнее намазать* – добавить краски; *поймать козла* – найти пропуск в тексте; *сконтачить* – произвести переконтакт с одной фотоформы на другую; *срубка углов блока* – придание округлой формы углам блока; *убрать краску* – уменьшить доступ краски;

– экспрессивы, в которых увеличивается интенсивность признака по действию, характерному для данного предмета (действие может выполнять сам предмет или действие может совершаться предметом): *бензоуловитель* – рекуператор (станок); *лобогрейка* – листоотборочная машина; *моталка* – перемоточный станок; *приемка* – приемный стол; *подчерка* – засечка (элемент букв); *размотка* – листорезальная машина; *резак* – резальная машина; *резец* – токарный станок; *резка* – автомат обработки блоков; *робот* – машина обработки блоков, *робот* – электрокар; *сверка* – корректура; *смывка* – паста для мытья рук; *сушка* – сушильная установка; *съемищик* – механизм для съемного спрессовывания деталей; *трехсгибка* – лист, сфальцованный три раза; *упаковка* – машина для обвязки пачек книг; *читка* – календарь; *четырёхсгибка* – лист, сфальцованный четыре раза;

– экспрессивы, подчеркивающие интенсивность действия, приведшего к определенному результату: *выключка* – конец строки; *допечатка* – нехватка текста; *распечатка* – неправильный спуск полос, бракованный лист; *слабина* – неравномерная плотность намотки рулона;

– экспрессивы, актуализирующие семы с указанием на место расположения:

1) *боковушка* – первая слева, обычно текстовая графа таблицы; 2) *боковушка* – мелкие иллюстрации, вынесенные за поля; 3) *боковушка* – подзаголовок, вынесенный за формат полосы.

Или:

1) *голова* – верхний край книги; 2) *головка* – верхнее поле страницы.

Или:

1) *фонарик* – боковая часть станка; 2) *фонарик* – подзаголовок, вынесенный за формат полосы.

Или:

1) *форточка* – заглавие параграфа; 2) *форточка* – заголовок, вписанный в текст.

Или:

1) *хвост* – нижнее поле страницы, нижний край книги; 2) *хвостик* – нижний край книги; 3) *хвостик* – обрез книжного блока;

– экспрессивы, в которых усиливается сема признака: *воздух* – пробел; *горбатая бумага* – выпуклая бумага; *грубый* – пробельный клин; *продушина* – полосы в рулоне бумаги; *плешки* – пятна на бумаге; *пузырь* – вздутие; *складки мертвые* – заломы на бумаге; *скобки ломаные* – угловые скобки; *строка горбатая* – высокая строка; *строка загнанная* – переставленная строка; *тупая строка* – первая строка абзаца, набранная без отступа; *углы голые* – открытые углы; *цыган* – жирный оттиск;

– экспрессивы, указывающие на размер: *восьмушка* – две страницы листа; *дорога* – машина для прессования книг; *клопик* – лист маленького формата; *мелочевка* – акцидентная печать; *минимал* – наименьший размер книги; *простыня* – лист большого формата; *пятчок* – место для подачи рулонов бумаги;

– экспрессивы с семантикой, указывающими на брак: *ляп* – допущенная ошибка; *нетух* – неправильно сфальцованный лист; *скворечник* – пространство между блоком и переплетом; *все в дровах* – о материале, который не готов к публикации. В слове *абракадабра* (подставка для календаря, отпечатанная в типографии) подчеркивается ненужность, незначительность предмета.

Экспрессию имеют и другие профессионализмы полиграфического производства: *катушка* – корректурный станок; *фура* – металлическая форма для обрезков; *чулок* – обмотка валика; *шагрень* – рельефный рисунок; *чушка* – слиток металла – интенсифицируется внешняя форма предмета, а в профессионализме *рыба* – костяк, основа материала – актуализируется функция и т.д.

Профессионализмы, имеющие экспрессивную окраску, широко распространены в производственной речи. Семы экспрессии делают акцент на наиболее важных для производства сторонах предметов, действий, признаков, а также выделяют основные моменты рабочих процессов. Это помогает легче ориентироваться человеку в процессе трудовой деятельности [Сердобинцева, 2003 : 219].

Вторая общепризнанная составляющая коннотаций – семы, отражающие эмоциональное отношение к действительности. Эмоции – это особая форма отношения к предметам и явлениям, обусловленная их соответствием или несоответствием потребностям человека. Эмо-

ции являются субъективной формой оценки предметов и явлений действительности (что делает неразрывными категории оценочности и эмоциональности в лингвистике), они тесно связаны с потребностями человека, которые лежат в основе мотивов его деятельности. Наиболее важной особенностью эмоций является то, что они соотносятся именно с деятельностью. Порождение речи в рамках коммуникации чаще всего основывается на психологическом статусе действия, входящего в неречевую деятельность, мотив которой лежит в основе деятельности в целом. Таким образом, мотивационная сфера человека определяет эмоциональную окраску фона его деятельности.

В науке существуют самые разные точки зрения на эмоции: исследуя поведение, можно обойтись без понятия «эмоция» (Duffy, 1962; Lindsley, 1957); эмоции образуют первичную мотивационную систему человека (Tomkins, 1962, 1963; Izard, 1971, 1972); эмоции – это кратковременные преходящие состояния; человек постоянно находится под влиянием каких-либо эмоций (Schachtel, 1959); эмоции разрушают и дезорганизуют поведение человека и являются основным источником психосоматических заболеваний (Arnold, 1960; Lazarus, 1968; Young, 1961); эмоции играют позитивную роль в организации, мотивации и подкреплении поведения (Izard, 1971, 1972; Leeper, 1948; Mowrer, 1960; Rapaport, 1942; Schachtel, 1959; Tomkins, 1962, 1963); эмоции выступают в роли пусковых механизмов когнитивных процессов; смысл нашего существования имеет аффективную, эмоциональную природу; научение идет через переживание – это важнее, чем просто накопление информации; эмоции сопутствуют человеку всю его жизнь с самого рождения, помогая ему установить коммуникативные и социальные отношения с миром (Leeper, Mowrer, Rapaport, Schachtel). «Невозможно понять человека и его взаимоотношения с окружающим миром, обходя вниманием эмоции», – замечает известный психолог, исследователь эмоциональной сферы человека, Кэррол Э. Изард [Изард Э. Кэрролл, 1999 : 21].

Одним из первых о важной роли эмоций заговорили Липер (Leeper, 1948), ведущий специалист по теории личности, и Маурер (Mowrer, 1960), выдающийся специалист по психологии научения. Маурер утверждал, что «эмоции являются одним из ключевых, фактически незаменимых факторов в тех изменениях поведения или его результатов, которые мы называем «научением» (Mowrer, 1960). Д. Гоулман доказывает неразрывную связь интеллекта и эмоций.

Одна из причин возникновения эмоций в ходе эволюции – необходимость обеспечить социальную связь между матерью и ребенком. «Эмоции необходимы для выживания и благополучия человека» [Изард Э. Кэрролл, 1999 : 22]. Они обеспечивают новый тип мотивации, новые поведенческие реакции, необходимые для успешного взаимодействия человека с окружающей средой и для успешной адаптации в ней.

Итак, эмоция – это психический процесс, который мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия. Таким образом, мышление и эмоции неразрывно связаны друг с другом и, вербализуясь, выполняют экспрессивную функцию языка [Шаховский, 1983 : 10].

Язык, отражающий объективную действительность, является одним из средств выражения эмоций, представляя высшую форму реализации эмоционально-экспрессивных реакций человека. Средства, выражающие эмоциональность, представлены разноуровневыми единицами в достаточно большом количестве. Еще В. фон Гумбольдт отмечал, что язык как деятельность человека пронизан чувствами. Вопрос об эмоциональном факторе в языке вызывает активный интерес у современных лингвистов (Л. Г. Бабенко, В. Н. Гридин, В. А. Пищальникова, Ю. А. Сорокин, И. Г. Торсуева, В. И. Шаховский и др.). Исследования эмоционального проявления в языке соотносятся и с когнитивной лингвистикой, и с психолингвистикой. А. А. Леонтьев замечает, что в значениях языковых единиц представлена «идеальная форма существования предметного мира, его свойств и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» [Леонтьев, 1969 : 156].

Эмоции имеют двоякий способ обнаружения в языке. Они проявляются в слове как эмоциональная окраска, возникающая в результате отражения в речи эмоционально-психического состояния говорящего в виде эмоциональных оценок. Эмоции отражаются и языковыми знаками как объективно существующая реальность. В лингвистике различают два разряда лексики, обозначающей эмоции: «Лексика эмоций содержит слова с предметно-логическим обозначением понятия об эмоциях, а эмоциональная лексика включает эмоционально окрашенные слова, содержащие «чувственный фон, ореол, дымку». Эмоциональная лексика связана с выражением эмоций говорящего» [Бабенко, 1983 : 5]. Нас прежде всего интересуют эмоционально окрашенные номинации, так как в профессиональной лексике нет специальных слов, называющих непосредственно какую-то эмоцию.

Разграничим терминологические понятия эмоциональности и эмотивности. Эмоциональность – категория психологическая, эмотивность – языковая. «На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность» [Бабенко, 1983 : 7]. Эмотивность отражается в семах, которые отображают определенные эмоции человека.

В профессиональных наименованиях эмотивные семы присутствуют более чем у 80 % слов. Трудно передать тонкие оттенки эмоций словами, не менее трудно точно определить эмотивные оттенки, заложенные в коннотативные семы слова. Поэтому мы не претендуем на абсолютно точное соотнесение эмотивной окраски, выделенной нами в слове, с эмоцией, существующей в действительности.

Среди эмотивных коннотаций в профессиональных словах полиграфического производства нами выделены следующие группы слов с разными семами эмоций (объем слов с эмотивными семами составляет 81 % от анализируемых профессионализмов полиграфии):

1) слова с семой пренебрежения составляют 48 % (71 слово) от общего количества эмоционально окрашенной лексики: *моталка* – перемоточный станок; *клееварка* – цех подготовки клея; *бандурка* – плоскоотливной станок; *выключка* – фотонаборная программа; *гостировка* – выверка по ГОСТу;

2) пренебрежительно-ироничная окраска представлена в 2 % (3) профессиональных номенов: *абракадабра* – подставка для календаря, отпечатанная в типографии; *фура* – металлическая форма для выброса обрезков; *сталкивать* – принимать готовые сторонки;

3) пренебрежительно-ласкательные семы выделены в профессиональных словах, составляющих около 3 % (5): *кадешка* – крышкоделательная машина КД; *передок* – передняя часть книги; *бенеаиш-ка* – бумагоприклеивающий агрегат «БПА»;

4) слова с пренебрежительно-презрительными семами – 2,7 % (4): *сдир мелованный* – отрыв мелованного слоя; *фальшивые* – накладные линейки; *районка* – районная газета;

5) пренебрежительно-шутливое – 1,3 % (2): *сверка* – вторая корректура; *сигнал* – сигнальный экземпляр;

6) слова с семами презрения составляют 1,3 % (2): *болванка* – заготовка статьи до того или иного события, о котором пойдет речь;

7) окраска неодобрительности встречается в 6 % профессиональных слов (9): *распечатка* – ростиск, неправильный спуск полос; *ляп* – ошибка;

8) ироническая окраска у 6,7 % профессионализмов (10): *лист лысый* – незапечатанный лист; *рыба* – костяк материала; *приправа* – выравнивающая приставка у станка;

9) шутливо-ироническая окраска отмечена в 28 словах (19 %): *бабаишка* – брусок, употребляемый при наборе для заполнения пустых мест; *шагрень* – рельефный рисунок; *шиишка* – лепесток на бумаге; *дорога* – машина для прессования книг; *последушка* – ответ на критику в газете;

10) шутливые семы выделены в 17 % номенов (25): *хвостик* – нижний край книги; *пяточок* – место для подачи рулонов бумаги; *усики* – типографский знак; *свежая голова* – дежурный по номеру газеты, читающий ее после редактора; *фонарик* – боковая часть станка;

11) шутливо-ласкательная окраска выделена у 0,7 % профессиональных слов (1): *боковушка* – подзаголовок, вынесенный за формат полосы;

12) ласкательные семы встретились в 2 % (3) профессиональных наименований полиграфии: *страничка* – полоса; *перфоленточка* – перфорационная лента; *головка* – верхнее поле;

13) эмоция сожаления – у 0,7 % полиграфических профессионализмов (1): *голова зарезана* – испорчен край книги;

14) уважительная эмоциональная окраска – 0,7 %: *экипаж* – шрифт наборной доски.

Количественно преобладают слова с семой пренебрежения – 58 %, затем идут слова с шутливыми коннотациями – 43 %. Меньше всего слов с иронической (6,7 %) и неодобрительной (6 %) эмоциональной окраской. Вспомним значения слов, которые называют эмоции, наиболее выраженные в процентном отношении среди полиграфической профессиональной лексики. «Пренебрегать» – значит проявлять высокомерно-презрительное отношение, относиться без должного уважения к кому-, чему-либо. «Шутливый» – имеющий характер шутки. Одно из значений слова «шутка» – «то, что говорят, делают не всерьез; поступки, дела, слова, к которым нельзя относиться серьезно» [Словарь современного русского литературного языка, 1961 : 243].

Психологи заявляют, что любая эмоция выполняет особые мотивационные и адаптивные функции. «Каждая из эмоций работает на нас и для нас, и то, что она делает, обычно идет на пользу» [Изард Э. Кэрролл, 1999 : 66]

Эмотивная семантика профессионализмов отражает особенности отношений в процессе полиграфического производства. В монотонности каждодневных действий, в шуме автоматизированных процессов человек может легко устать и потеряться. На помощь ему

приходят эмоции. Шутка нивелирует то, что пугает, подавляет, раздражает. Шутливые номинации выполняют функцию снятия напряжения в процессе трудовой деятельности. А «холодная» эмоция презрения помогает человеку почувствовать свое превосходство, свою значимость, ценность. Он находит возможность возвысить себя над однообразием выполняемой работы. Адаптивная функция презрения заключается в возможности почувствовать себя сильным, способным к достижению цели, к победе. И все же негативное значение презрения очевидно, оно выражает дискомфорт, который испытывает человек на своем рабочем месте. Это должно быть сигналом к улучшению условий труда.

Эмоции представляют важную часть человеческой жизнедеятельности, это «одна из форм отражения, познания и оценки объективной действительности», «эмоции связаны с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности». [Бабенко, 1989 : 3, 6]. Эмотивные семы помогают в полной мере отобразить реальную действительность, окружающую человека, и его отношение к ней.

Эмоциональное восприятие тесно взаимосвязано с оценкой действительности. «Эмоции и оценки играют столь важную роль в жизни человека и общества, что они становятся одной из форм отражения действительности», – отмечает Т. А. Тулина [Тулина, 1992 : 78]. Слово «оценка» употребляется обычно «для обозначения, выраженного в языке/установления ценностного отношения между субъектом и предметом» [Гусев, 1994 : 51], а наиболее общей и существенной стороной той или иной конкретной оценки являются нравственно-эмоциональные критерии, лежащие в основании оценки. «Предмет может оцениваться с точки зрения его соответствия-несоответствия стандарту или эстетическому идеалу, этическим нормам, с точки зрения вызываемой им эмоции и т.д., причем основание оценки неразрывно связано с семантикой, выражающей оценку лексической единицы» [Тулина, 1992 : 107].

Оценка как одна из форм отражения действительности играет важную роль в жизни человека и общества. Оценивание происходит в результате соотнесения реального объекта с неким стандартом. Оценка помогает установить ценностные отношения между субъектом и объектом, и при этом она неразрывно связана со значением слова. Поэтому «...изучение проблемы номинации невозможно без изучения...оценочных квалификаций», – отмечает Т. А. Тулина [Тулина, 1992 : 78].

Доля оценочных сем в профессиональной лексике представляется самой большой. В оценочную сему входят отрицательная и положительная характеристики предмета или явления профессиональной действительности, а также соотнесенность с такими понятиями стилистики, как «высокое» и «сниженное». В Словаре русского языка (в 4-х томах) под редакцией А. П. Евгеньевой так определяется помета «высокое»: «слово или значение высокого, приподнятого стиля, ставится при словах, которые ограничены в своем употреблении торжественно-приподнятой речью и придают окраску важности, возвышенности содержанию понятий, явлений и т.д., которые они обозначают». Характеристика «высокое» отсутствует в полиграфической профессиональной лексике. Сниженная оценка обычно относится к словам, которые употребляются в разговорной речи и носят несколько фамильярный оттенок в значении. Такая оценка может присутствовать как единичная сема, так и сопровождать положительную или отрицательную оценочную сему. Предлагаем следующую классификацию профессионализмов с семами оценки:

1) профессионализмы только с семой «сниженное»: *бостонка* – тигельная машина; *двухсгибка* – фальцованный лист; *продушина* – полосы в рулоне бумаги;

2) профессионализмы, в значении которых наблюдаем сниженную сему наряду с положительной оценкой: *ростик* – бракованный лист; *хвостик* – нижний край книги;

3) профессионализмы, в которых сниженная окраска сочетается с отрицательной оценочной семой: *ляп* – ошибка; *макулатура* – бракованный лист; *петух* – неправильно сфальцованный лист;

4) профессионализмы с положительной оценкой при отсутствии семы сниженности: *экипаж* – шрифт наборной доски; *як* – ножевой выключатель. В данных словах положительная оценка проявляется через отношение к предмету, находящемуся в основе переносного наименования;

5) профессионализмы без семы «сниженное», но с отрицательной оценкой: *участок ширпотреба* – участок изготовления брошюр.

Надо отметить, что оценка в профессиональном слове не всегда зависит от слова-производителя. Например, в профессионализме *карман* (расслаивание бумаги в картоне) отрицательная сема вытекает не из значения производящего слова, а из обозначаемого явления – брака.

В результате анализа выявлено 26 % профессиональных слов с отрицательной оценкой и всего 11 % – с положительной. Если характери-

стика «высокое» в профессиональной речи отсутствует, то характеристика «сниженное» присутствует в 61 % профессионализмов. Такое распределение оценочных сем в профессиональных словах подводит к определенным выводам, связанным с психологией человека в трудовом процессе. Возможно, неудовлетворительной является организация трудового процесса, возможно, снижение значимости окружающих предметов и явлений ведет к повышению личностной значимости в процессе производства.

Итак, номинативные профессиональные лексемы, в которых доминирует денотатное значение, рисуют картину определенной профессионально-производственной отрасли хозяйства, а профессионализмы с коннотатным составом, представленным экспрессивными, эмотивными и оценочными семами, наполняют картину жизнью, делают ее реальной, а не абстрактной. Без коннотаций значения слов не смогут в полной мере отобразить реальную действительность, окружающую человека.

4. Функционирование профессионализмов в литературном языке

Профессиональное слово, представляя одну из замкнутых подсистем национального языка, употребляется в процессе производственного общения и отражает «признаки речевой среды, в которой оно возникло, проявляющиеся в его системных отношениях с другими словами» [Сенкевич, 1976 : 51]. Эти признаки были подробно рассмотрены выше. Несмотря на свою замкнутость, все языковые подсистемы взаимопроникаемы. Профессиональная лексика не является исключением. Широкое распространение ее не только в отраслевом и ситуативном употреблении, но и в межатраслевом и даже в непрофессиональном, позволяет выявить соотношение профессионализмов с официальными терминами, взаимодействие с лексикой общего употребления вне сферы профессионально-производственной деятельности, что определяет степень их жизнестойкости. Такое рассмотрение возможно на основе выявления функций номинации, отношения их к обозначаемому. «Анализировать отношения одних форм к другим в рамках второй сигнальной системы без учета их отношений к внешним, внеязыковым раздражителям, значит ставить перед собой задачу теоретически невыполнимую» [Дорошевский, 1973 : 202].

Наибольший интерес вызывает наблюдение над функционированием профессионализмов – представителей неофициальных функциональных структур языка – в литературном языке – официальном блоке национального языка.

4.1. Профессионализмы в разговорном стиле

Профессиональная лексика принадлежит разговорной речи, которая имеет свои особенности, влияющие на языковые единицы, используемые в ней. В результате появляется ряд общих черт у профессионализмов и разговорных слов. Особенностью разговорной речи считается фиксация объектов в словах, «которые являются равноправными лексическими вариантами одной ”номы” (ср.: словообразовательные варианты типа “извещение”, “оповещение”), и, с другой стороны, в единицах, которые не воспроизводятся, а производятся в речи (метафоры, метонимия, экспресс-номинации)» [Русская разговорная речь, 1973]. Это наименования, создаваемые на данный случай, экспромтом, слова-временки с очень широкой семантикой, по-

ниманию которой способствует ситуация. Такими особенностями обладают и многие профессионализмы. Они нередко выступают словами-дублетами или вариантами, обозначая один и тот же объект, например *рама* и *рамка* – рамочная телевизионная антенна (электр.), *релейка* и *релюшка* – радиорелейная связь (электр.) и т.д. Один номинатив может обозначать разные объекты в одной производственной отрасли и в различных отраслях, например, *плетенка* – 1) жгут; 2) оплетка кабеля; 3) защитная вставка в субблок; или *развязка* – 1) ослабление частот; 2) разделение цепей (электр.) и т.д. И для профессиональных обозначений привлекаются слова с «широкой семантикой», которая конкретизируется в производственной ситуации: *баночка* – головка на конце трубки (стекольн.); *головка* – торцовый ключ (авто.); *коробка* – тормозная камера (авто.); *машинка* – микрокалькулятор (электр.) и т.д.

Как и в разговорной речи, в профессиональной лексике имеются экспрессивные номинации с функцией характеристики обозначаемого объекта: *колымага* (пренебр.) – автомобиль; *извозчик* – водитель такси; *канава* – смотровая яма (авто.); *скачка* – специальный автомобиль для выкачивания топлива из самолета (авиа.); *шарошка* – кронштейн (машин.) и т.д.

Вместе с этим профессиональная лексика имеет не менее своих особенностей, которыми отличается от слов общеразговорной речи. Последние распространены в широком обиходно-бытовом общении, а профессионализмы используются в профессионально-производственном общении в процессе трудовой деятельности. Сфера употребления языковых единиц не может не отражаться на их лексикостилевой специфике. Профессиональные номинации очень мало используют, если не сказать, совсем не используют типичные для разговорно-бытовой речи слова-заменители, слова-указатели и «разного рода экспресс-наименования». Среди профессионально-производственных наименований, привлеченных из словаря общего употребления, больше метафорических переосмыслений, чем метонимических, свойственных обиходно-бытовым речениям [Русская разговорная речь, 1973 : 461, 462]. Если обиходно-разговорные номинативы «факкультативны, нестационарны», то профессионально-производственные обозначения выступают постоянно со своим специальным значением. В роли профессионализмов используются сложные слова и аббревиатуры, не свойственные разговорно-бытовой речи, например, *воздухоочиститель* – воздушный фильтр двигателя (авто.); *воздухо-лет* – аэростат (авиа.); *гидравлика* – гидروпанель для регулировки станка (машин.); *АХР* – авиационно-химические работы и т.д. Значи-

тельное количество представляют составные профессиональные наименования, используемые для большей точности обозначения (см. 1 главу): *громкоговорящее устройство* – АГУ-10; *вал кулачковый* – распределительный вал; *насос червячный* – винтовой насос; *посадить аккумулятор* – обесточить аккумулятор и т.д. Как видим, профессионально-производственные слова не могут быть тождественными словам разговорно-бытовой речи, так как обладают достаточным количеством специфических признаков, что позволяет выделить их в цельную лексико-стилистическую группу.

4.2. Профессионализмы в официально-деловом стиле

Обслуживая административно-правовую деятельность государственной, социальной, политической, экономической жизни, официально-деловой стиль реализуется в трех основных подстилях: дипломатическом, законодательном (или юридическом), управленческом (или собственно официально-деловом, или канцелярском). Выражение правовой воли в деловых документах первых двух подстилей определяет основные черты деловой речи и социально-организующее употребление языка, требующее особой строгости, поэтому профессиональная лексика здесь встречается не часто (требование однозначности, обобщенности и абстрактности лексики, использование родовых понятий вместо частных, конкретных).

Управленческий подстиль применяется в административно-ведомственных, производственных отношениях, обслуживая деятельность всевозможных организаций от государственного масштаба до частных предпринимателей. Жанры документов, используемые в данном подстиле, весьма разнообразны: устав, договор, приказ, распоряжение, заявление, характеристика, инструкция, жалоба, рецепт, объяснительная записка, анкета, статистический отчет и др. Разнятся они между собой и в композиционном, и в стилистическом, и в языковом оформлении. Наряду с нейтральной, общекнижной, деловой можно встретить терминологическую лексику, номенклатуру и профессионализмы. Последние чаще всего встречаются в инструкциях по применению каких-либо устройств. Например, в инструкции по эксплуатации фотоаппарата «Смена-8М» дается техническое описание его зарядки: *«При работе с одной кассетой необходимо вставить ее в левое гнездо корпуса фотоаппарата так, чтобы вилка головки обратной перемотки соединилась с катушкой кассеты; при этом перемычка катушки должна войти в прорезь вилки. Вставляя кассету в гнездо, необходимо нажать на свободный конец катушки.*

*Вставить свободный конец пленки в паз приемной катушки, зацепив перфорацию пленки за **зуб** паза, и, вращая **головку перемотки**, сделать один оборот.*

*При работе с двумя кассетами вынуть приемную катушку и вставить обе кассеты так, чтобы обе **вилки** соединились с катушками кассет. Вращением **головки перемотки** слегка натянуть и выровнять пленку, придерживая кассеты, чтобы они не проворачивались. Пленка должна лежать на кадровом окне без перекосов, а перфорация должна находиться в зацеплении с зубчатым **колесиком** счетчика кадров.*

Закрывать фотоаппарат крышкой и защелкнуть замок. Затем вложить фотоаппарат в футляр и закрепить штативной гайкой.

*Перематывать засвеченную часть пленки, протянув два кадра. Для этого нажать и отпустить спусковую кнопку и плавным вращением **головки перемотки** до упора произвести **перемотку**.*

*Вращением **кольца** установить указатель счетчика кадров на деление “0”».*

Профессионализмы составляют 8 % словоупотреблений от общего количества слов, что является достаточно высоким показателем использования данной лексики в официальных документах.

Слова *гнездо*, *вилка*, *головка*, *кольцо*, *колесико* не отвечают требованиям, предъявляемым к официальным терминам. Они не имеют научной дефиниции, образованы лексико-семантическим путем, поэтому содержат в своем значении не только яркий образ, но и другие коннотативные семы, усиленные суффиксами субъективной оценки в словах (*головка* и *колесико*). Все это лишает приведенные слова точности и однозначности в понимании. К тому же все перечисленные примеры имеют синонимы в других профессиональных сферах, что считается нежелательным для официальной терминологии. Отглагольному существительному *перемотка*, называющему производимый процесс, не достает научного обоснования для дефиниции.

Обратимся к анализу инструкции по эксплуатации портативного ноутбука Aspire one Series (2009): «В комплект поставки вашего компьютера входят пластиковые **заглушки** для **гнезд** карт. **Заглушки** защищают неиспользованные **гнезда** от попадания пыли, металлических предметов и других посторонних частиц. Сохраняйте эти **заглушки**, чтобы использовать их, когда в **гнездо** не вставлена карта памяти.... Прежде чем вставлять **вилку** сетевого адаптера в электророзетку, убедитесь, что электророзетка заземлена надлежащим образом. Не вставляйте **вилку** в незаземленную электророзетку». Здесь употребление профессионализмов составляет 14 %.

Некоторые из них уже встречались в предыдущем тексте, причем, если *вилка* обозначает один и тот же объект, то *гнездо* – лишь похожий. Интересно воспринимается слово *заглушка* применительно к новейшей электронной продукции. *Заклушка* – образовано от глагола «заклушить», производного от «глушить». «Глушить» имеет пять значений:

1. Ударом ошеломлять, приводить в бесчувствие.
2. Делать более глухим, менее слышимым.
3. Не давать расти, подавлять развитие чего-либо.
4. Заставлять гаснуть (выключать).
5. Пить в большом количестве (прост.).

Ни одно из значений Словаря русского языка С. И. Ожегова не отвечает назначению указанного приспособления. Правильнее было бы назвать его *крышкой*, так как функция его закрывать отверстие от попадания чужеродных предметов, однако во многих профессионально-производственных сферах приспособление со схожей функцией именуется *заклушкой*.

Жанр инструкции по эксплуатации тех или иных устройств соприкасается с определенной профессиональной сферой (фотоаппарат с фотоделом и оптикой, компьютер с электроникой), что и объясняет присутствие профессиональной лексики. Рассмотрим другой жанр управленческого подстиля – распоряжение:

«РАСПОРЯЖЕНИЕ № 1-ДСП 16.11.2001 г.

О распределении должностных обязанностей

В целях повышения эффективности работы ООО «Сфинкс» – издательства журнала «Товары, услуги и цены в Пензе» распределить должностные обязанности между сотрудниками следующим образом:

Редактор

1. В своей работе непосредственно подчиняется генеральному директору и главному редактору, выполняет их редакционные задания.

2. Редактирует материал: рекламные модули, статьи, прайс-листы фирмы, строчную информацию и другие материалы заказчиков, совместно с главным редактором и менеджерами определяет их месторасположение в журнале, интернет-издании.

3. Контролирует правильность и своевременность записей в журнале регистрации заказов.

4. Совместно с главным редактором осуществляет предпечатную подготовку макета издания (проверяет **белки**) **забивает** модульную сетку; контролирует процесс верстки дизайнером.

5. Организует работу дизайнеров и оператора.

6. Замещает главного редактора на время его отсутствия.

7. Участвует в разработке рекламной кампании фирмы и заказчиков.

Бухгалтер

1. Подчиняется в своей работе исключительно генеральному директору.

2. Выписывает все необходимые документы при расчетах с рекламодателями (счета, с/ф, накладные, акты сдачи-приемки, ПКО).

3. Осуществляет все необходимые операции при расчетах через банк (выписка платежных поручений, снятие наличных денег с р/с и т.д.).

4. Ведет все расчеты по кассе в т.ч. и в ИС Предприятие.

5. Ведет всю документацию (ж/о 1,2,7 по счету 60,62,76, книги покупок, продаж, кассовую, главную, учета **платежек**, учета доверенностей, с/ф).

6. Осуществляет сдачу всех необходимых отчетов в ГНИИ».

Распоряжение исходит от вышестоящего органа управления и отличается более официальным и строгим характером. В данном документе всего три профессионализма, что составляет 1 % от общего количества слов. Однако все профессиональные наименования имеют синонимы в официальной терминологии (**белки** – окончательный, **беловой** вариант полосы перед печатью, **беловой** вариант оригинал-макета, **забивает** – заполняет, **платежка** – платежная ведомость), поэтому использование в данном документе их можно считать стилистической ошибкой. Объяснить употребление профессионализмов в официальном документе можно тем, что распоряжение отражает внутренние отношения учреждения, в котором все работники владеют профессиональной речью.

Для рассмотрения вопроса об употреблении профессионализмов в официально-деловом стиле можно обратиться к более официальному, юридическому подстилю. Акт судебной экспертизы по дорожно-транспортному происшествию, требующий строго определенного государственным стандартом изложения информации, содержит множество автомобильных профессионализмов: *мост* (подвеска колес), *мост задний*, *распределитель* (распределитель зажигания),

брызговик (грязевой щиток), *барабан тормозной* (диск для торможения); *панель задка* (задок – задняя часть машины). Это связано со спецификой документа, в котором по определению Министерства юстиции РФ описанию подвергается каждая часть исследуемого автомобиля и пишется общее заключение. Так как главная цель документа связана с анализом деталей автомобиля, то она влечет за собой употребление профессиональной автомобильной лексики, среди которой встречаются слова, не имеющие официальных синонимов. Данные тексты предназначены для подготовленного читателя, свободно ориентирующегося в сфере автомобильного дела.

Лексика официально-делового стиля отличается особенной официальностью и «сухостью», даже «квазиэмоционально-экспрессивной окраской» [Кожин А. Н. и др., 1982 : 111], т.е. значительной долей антиэмоциональности. Коннотатная окраска профессионализмов, используемых в этом стиле, приглушается, отходит на задний план. Их основная функция – точнее передать контекстуальный и ситуативный смысл речи.

4.3. Профессионализмы в научном стиле

В функционально-стилистической системе литературного языка научный стиль характеризуется строгой нормированностью, кодификацией, однозначностью, незначительной образностью языковых единиц и недопустимостью эмоционально-экспрессивной окрашенности.

Научный стиль, обслуживая теоретическую сферу деятельности человека, функционирует и в производственных отраслях, составляя оппозицию подсистеме профессиональной речи. Этот стиль отличается серьезной предварительной подготовкой высказывания, которое реализуется преимущественно в жанрах письменной формы речи в основном монологического характера (в монографиях, научных статьях, диссертациях, рефератах, тезисах, в научных докладах, лекциях, учебной и научно-технической литературе и т.д.). Подсистема профессиональной речи обслуживает практическую деятельность людей науки и производства, где речь спонтанна и ориентирована только на устное, непосредственное общение в форме диалога или полилога (в разговоре, предложении, замечании, обсуждении и т.п.)

Наиболее важной функцией научного стиля рядом с когнитивной (познавательной) выступает эпистемическая (отражение действительности и хранение знания), что определяет главную коммуникативную задачу, формирующую выражение научных понятий и умозаключений в отвлеченной от частных признаков, абстрактной

форме. Главная функция подсистемы профессиональной речи – оптимизация общения в условиях, заданных профессионально-производственной ситуацией, требующих быстрой реакции участника. Это определяет точность профессиональной речи, выраженную в конкретной и образной форме.

Противопоставленность по главным позициям двух языковых явлений не отталкивает их друг от друга, а, напротив, сближает и развивает. Единицы научной мысли постоянно пополняют профессиональную подсистему, трансформируясь под ее условия, например в устной речи машиностроителям привычнее говорить *шестеренчатый насос* вместо официального термина *шестеренный насос*, *небаланс* вместо *дисбаланс* и т.п. И профессионализмы проникают в научные тексты, восполняя недостающую образность и конкретность.

Чаще всего профессиональная лексика встречается в текстах научно-учебного подстиля в учебниках и учебных пособиях. Для анализа особенностей ее употребления возьмем учебное пособие для студентов отделения журналистики «Как делается газета?» Л. М. Ныrkовой, где представлена полиграфическая официальная терминологическая и неофициальная профессиональная лексика.

В названном пособии профессионализмы употребляются в кавычках и без них. Кавычки, выделяя слово, указывают на чужеродность его природы общему контексту: «...*Кроме того, в процессе “кириллизации” (быстрой доработки кириллических знаков) одного и того же латинского шрифта...*»; «*Более интересное решение дает “разорванная” рамка – т.е. когда в рамку врезается заголовок или рубрика...*»; «*Нельзя упустить из виду “направление” фотографии, т.е. куда смотрят запечатленные на ней лица...*». Обычно, как видим в приведенных примерах, после профессионального наименования следует пояснение его значения. Иногда пояснение предшествует профессионализму: «*В журналистике нередко дробят заголовок, располагая его частями по всему тексту, иногда помещают его ниже текста, “на отлете”...*». Пояснение профессионального названия дается только однажды, но кавычки остаются при слове во всех его последующих употреблениях: «*“Коридоры”, рассекая текст, нарушают ритм чтения...*».

Встречаются в тексте профессионализмы, употребленные без кавычек, но с пояснением их значения: «*“Втяжка” (выделенные строки набираются на неполный формат, с отступом от левого края)...*»; «*Для выделения текстового блока используются “фоновые подложки” (цветные или серые с разной степенью насыщенности)...*»; «*Эффективный и популярный в современном газетном ди-*

зайне композиционный прием – “*буквицы*” (инициалы)...» и т.п. Функционирование профессионализмов с описанием их значения, с одной стороны, усиливает номинативную функцию, а с другой – создает стилистический эффект, так как подчеркнуто выражает принадлежность слова к иной сфере реального функционирования.

Анализ материала показал, что кавычки автор использует при профессиональных наименованиях, образованных от общеупотребительных слов лексико-семантическим способом словообразования, чаще метафоризацией (*коридоры, хвост, растянуть, разорванная, чердак, подвал и т.д.*), чтобы избежать двусмысленности в понимании значения. Слова, образованные морфологическим путем (как правило, это отглагольные существительные: *втяжка, выключка, выворотка и т.д.*), однозначны и воспринимаются они в своем специальном значении.

Используемые в представленном тексте профессиональные слова имеют разговорную окраску за счет коннотаций. Например, *на отлете, подвал* – здесь присутствует шутливо-ироничная эмоциональная окраска и интенсивно подчеркивается признак места нахождения; *выворотка* – фамильярная эмоциональная окраска сочетается с экспрессией в выражении способа действия и т.п. Наличие эмоционально-экспрессивной окраски противоречит одному из главных требований научного стиля – отвлеченности от субъективного, обобщенности.

Что же заставляет автора сознательно (на это указывает способ выделения профессионализмов) использовать чужеродную, на первый взгляд, лексику? Многие профессионализмы не имеют аналогов в терминосистемах, поэтому используются в тексте как единственное средство наименования того или иного явления, например слово *выворотка*: «“*Выворотка*” – белые буквы на черном фоне, а также на фоне какого-то другого цвета...». Автор часто употребляет данный профессионализм, когда говорит о выделении текста. Если строго следовать стилистической норме научного стиля, то вместо одного профессионального слова *выворотка* надо использовать нейтральный описательный вариант. Например, вместо «*Можно использовать “выворотку” для очень небольших по объему текстов, так как чтение такого текста требует большого напряжения...*» получаем предложение «*Белые буквы на черном фоне, а также на фоне какого-либо другого цвета можно использовать для очень небольших по объему текстов...*». Это создает излишне громоздкие конструкции с повторяющимися словами. Кроме того, описательное наименование сме-

щает смысловой центр на себя, чем затрудняется понимание смысла целой фразы.

Наряду с профессионализмами, не имеющими терминологических аналогов, в тексте используются и те, которые имеют синонимы в терминосистемах. При первичном употреблении эти профессионализмы используются рядом с терминами, обычно в скобках, а далее идет общее разъяснение как термина, так и профессионального слова. Например: «*Лид (**врезка, вводка**) – несколько предложений, которые как бы вводят читателя в публикацию, сразу выражают главную идею или, напротив, интригуют...*». Дальше в тексте используется то термин, то профессионализм, чтобы избежать тавтологии и не нарушить логичности текста.

Рассмотренное учебное пособие предназначено для взрослой аудитории. Для объективности выводов необходимо выяснить, используется ли профессиональная лексика в учебных пособиях, предназначенных для детей. В качестве примера рассмотрим текст из раздела «Подгонка соединений и сборка изделия» книги Б. А. Журавлева «Столярное дело: учебное пособие для учащихся 5 и 6 классов вспомогательной школы», представляющий собой описание изготовления подставки для цветов.

*«После выполнения паза детали пробуют соединить между собой и собрать изделие. Места соединений помечают одинаковыми цифрами или буквами, причем цифры надо ставить так, чтобы они были хорошо видны. После этого приступают к **подгонке** деталей.*

Подогнать – значит так обработать поверхности деталей, чтобы места соединений были плотными. Подгонять детали приходится в том случае, если брусок не входит в паз. Это причина неточной разметки, строгания, а иногда и неправильно сделанных пропилов.

*Каждый брусок с цифрой надо подогнать к пазу, помеченному тем же знаком. Эту операцию выполняют с помощью **напильника, стамески и рубанка**.*

Рубанком строгают детали, если они не входят в паз. Но можно и не строгать бруски, а расширить или углубить паз напильником. Стамеску применяют только в том случае, если надо удалить большой слой материала.

*Закончив подгонку, детали скрепляют (предварительно) на шурупах и проверяют качество работы. Затем изделие вновь разбирают, у брусков отпиливают припуск по длине, скругляют торцы, зачищают детали **шкуркой**. Окончательно обрабатывают и ножки*

подставки. При зачистке необходимо следить за тем, чтобы случайно не удалить цифры, нанесенные на детали.

*На места скрепления деталей наносят клей, собирают изделие и усиливают соединения шурупами. Готовую подставку для цветов защищают **шкуркой** и покрывают олифой или лаком».*

Все профессиональные наименования даются автором без вычек, что позволяет не отвлекать внимание детей, еще не знакомых со стилистическими особенностями речи, от основного содержания.

Профессионализм *подгонка* может быть непонятен детской аудитории, поэтому он сразу же разъясняется. Использованное затем профессиональное наименование *пропил* дается уже без пояснений, так как образовано оно аналогичным способом и читатель самостоятельно выводит его значение. Другие профессиональные слова широко известны, так как называют предметы, используемые и в бытовом применении. Наименования *напильник*, *рубанок* образованы от глагольной основы, которая указывает на производимое объектом действие. *Шкурка* обозначает ткань или бумагу с нанесенным на нее слоем наждачной крошки. Образованное путем метафоризации слово содержит образ, окрашенный эмоцией шутки, иронии. Употребление таких слов в данном контексте не случайно. Во-первых, у профессионализмов столярного дела нет официальных аналогов в терминосистеме, так же, как и в примере из полиграфической сферы, рассмотренном выше. Во-вторых, учебник рассчитан на детей средней вспомогательной школы, для которых восприятие терминологического понятия слишком трудно в учебном процессе, профессионализм же с прозрачной семантикой и ярким образом, напротив, способствует быстрому усвоению материала.

Немало профессиональной лексики используется в справочной литературе, которая рассчитана на специалистов конкретной научно-производственной отрасли, где в процессе трудовой коммуникации чаще используются профессиональные слова для наименования объектов, процессов и т.п.

В тексте статьи Краткого справочника по грузоподъемным машинам содержится 14 профессионализмов на 143 слова, что составляет 9 % профессиональных словоупотреблений: *«Рельсовые полуавтоматические захваты предназначены для удержания крана от перемещения под воздействием ветровой нагрузки в нерабочем состоянии и предотвращения схода с рельс тележек при работе крана на крановых путях с рельсами для железных дорог широкой колеи и соответствующими им двухговыми накладками.*

Захват состоит из корпуса, двух **щек**, шарнирно подвешенных на общей оси, клина и торцевого ключа. Одна **щека** снабжена **губкой**, которая может горизонтально перемещаться с помощью винта. В нижней части **щек** имеются выступы, постоянно подведенные под **головку** рельса. При движении крана по крановым путям **щеки** захвата свободно обходят двухголовые накладки и автоматически подхватывают **головку** рельса. При отрыве ходовой тележки крана от рельса производится автоматический захват **головки** рельса. По окончании работы крана между корпусом и **щеками** вставляется клин. С помощью торцевого ключа винтом **головка** рельса зажимается между **губкой щеки**. Во время работы крана **клин**, прикрепленный цепочкой к **раме** тележки, ложится на **раму** в верхней части».

Выделенные слова не обладают емкостью научного понятия, не имеют дефиниции. Они служат для номинации и содержат яркий образ, основанный на метафоризации значения: *щека* – боковая плоская часть объекта; *головка* – выступающая вперед оконечность чего-нибудь (перенос значения произошел по сходству внешнего признака). Профессионализмы *губка*, *головка* имеют эмоционально-оценочную окраску, которая появляется за счет суффикса субъективной оценки. Перечисленные профессиональные наименования не имеют синонимов в терминологии, чем и объясняется их присутствие в тексте научного стиля.

Целесообразно также отметить и то, что в силу своей ярко выраженной образности и экспрессии профессионализмы более доступны в восприятии. Известно, что на понимание и запоминание абстрактных слов требуется гораздо больше усилий, чем слов с конкретной семантикой. Краткость, конкретность и яркая образность значения делают использование профессионализма привлекательным даже в научной речи.

Профессионализм *рама* обозначает несущую часть машины: техническое приспособление в виде скрепленных под углом друг к другу брусьев, балок. Данный профессионализм редко употребляется в разговорной речи специалистов и имеет в терминологии синоним – *станина*. Использование наименования *рама* в данном тексте кажется необоснованным.

Профессиональные наименования в текстах научного стиля могут составлять от 6 до 10 % от общего количества слов. Процент достаточно высокий, если учесть, что в научном стиле речи присутствует целый набор разнообразных стилистических средств: основу составляет нейтральная лексика, далее следует общекнижная, затем собственно научная, иностильная и экспрессивная. Профессионализмы

можно отнести и к иностильной, и к экспрессивной лексике. Перечисленные лексические пласты расположены в убывающем порядке, что и позволяет говорить о высоком уровне употребления профессиональных слов в учебной и справочной литературе научного стиля.

Анализ профессиональных словоупотреблений показал причину такого активного использования их в научных текстах. Во-первых, выявлено, что многим профессиональным реалиям нет обозначения в научной терминологии. Объекты производственной деятельности называются «по-старинке»: *втяжка, подложка, выворотка, водка, врезка, подгонка, пропил, напильник, рубанок* и т.п. В профессиональной коммуникации такие номинации очень удобны, так как передаваемая информация не требует сложного анализа, а значит, воспринимается быстрее. Быстроты реакции требует большинство производственных процессов в трудовой деятельности человека.

Во-вторых, все профессиональные слова в проанализированных текстах представляют собой однословные наименования. Это также способствует быстрой реакции мозга в восприятии информации и ее удержании в памяти при усвоении материала, что является важной частью учебного процесса.

Часто требования научного стиля к обобщенной безэмоциональности текстов создают их монотонность и вялость, лишают адресата своеобразных вех, «указателей», которые облегчают процесс усвоения материала. В качестве таких «указателей» используются профессиональные наименования, которые своей образностью и яркой эмоционально-экспрессивной окраской не только привлекают внимание, но и легко воспринимаются на фоне нейтрального материала, а затем и запоминаются. Например: *«На макете место **подвала** указывается так: отмеряют в нижнем левом углу в высоту 7 делений, соответствующих пяти строкам каждое (всего 35 строк), отсчитывают в ширину четыре колонки и отчеркивают получившийся прямоугольник. На верху очередной площади пишется заголовок на две колонки»*.

Следующей причиной употребления профессионализмов в научно-учебных и справочных текстах является требование точности и логичности в построении. Терминологическое наименование, не имея синонимов, повторяется много раз, что вызывает тавтологию, приводящую к нарушению логичности и перегруженности текста. Профессионализмы, чередуясь с терминами, помогают выстроить логичный и точный текст.

Однако при использовании профессионализмов в научных текстах необходимо соблюдать определенные правила. Принято считать,

что профессиональные слова выступают «как просторечные эквиваленты соответствующих по значению терминов», т.е. находятся за границами литературного языка. Поэтому они должны заключаться в кавычки для обозначения иностильного характера слова. Это условие особенно важно соблюдать при наличии синонима в официальной терминосистеме. Кроме того, профессиональные наименования требуют пояснения своего значения для однозначности толкования. Как правило, данные требования соблюдаются в научных текстах.

4.4. Профессионализмы в публицистическом стиле

Язык газетной журналистики выступает в качестве образца, формируя и закрепляя приобретенные навыки вербального общения, изменяя нормативные закономерности национального языка. Поэтому изучение специфики языка газет в функционально-стилистическом аспекте представляет особую важность с точки зрения выявления особенностей для подготовки основы нормативно-стилистического совершенствования газетного текста.

Освещая жизнь общества, газеты не могут не затрагивать научную и профессионально-производственную стороны. Материалы такой направленности используют лексическую «подсистему, включающую специальные слова, необходимые лишь для данной профессии» [Суперанская, 1997 : 35]. Причем «чем сложнее целенаправленная деятельность людей, тем более обособлен от общего языка их особый язык, или подъязык», поэтому использование специальной лексики в текстах газетных публикаций требует тщательного отбора и обдуманного подхода к ней.

Особенностям функционирования специальной лексики в газете посвящено немало исследовательских работ [Благова, 1976; Вакуров, 1981; Коготкова, 1981; Солганик, 1976; Терехова, 1982]. Однако ученые уделяют внимание в основном официальным номенам и терминам. Профессионализмы исследованы в меньшей степени. Для анализа была сделана выборка примеров из газет разных лет и разной направленности как центральных СМИ: «Труд» (Т), «Известия» (И), «Единая Россия» (ЕР), «Аргументы и факты» (АиФ), «Российская газета» (РГ), «Комсомольская правда-Да!» (КП-Да!), «Московский комсомолец» (МК), так и региональных: «Пензенская правда» (ПП), «Наша Пенза» (НП), «Молодой ленинец» (МЛ), «Новая газета» (НГ).

Профессионализмы как принадлежность устной неофициальной речи нечасто встречаются в письменных источниках в отличие от терминов, поэтому целевое использование профессиональных наиме-

нований журналистами будет особенным. Профессиональное название в газетном тексте употребляется, во-первых, чтобы стилизовать текст, т.е. максимально приблизить его к действительности той профессионально-производственной сферы деятельности человека, о которой пишет автор, обеспечивая, таким образом, реалистический метод. Поэтому профессиональные слова часто встречаются в интервью, где создают речевые характеристики героев: *«Тем более бензиновый двигатель объемом в 1600 кубиков и мощностью 101 л.с. достаточно **тяговитый** и позволяет легко набирать скорость»* (АиФ № 51, 2005). Подобные профессионализмы демонстрируют неофициальные, «доверительные» отношения с интервьюируемым: *«По некоторым данным, в **оборонку** вбухивают до 60 % бюджета. Сегодня поддержка **силовики** обходится казне примерно в треть»* (КП-Да! № 83/20, 2005); *«Стоит заострить внимание на вопросе о **подставках** в командах»* (МЛ № 4, 1982). В интервью «журналист стремится сохранить особенности синтаксиса, фразеологии, лексики собеседника, даже в тех случаях, когда речь не отвечает литературным нормам» [Лейчик, 1997 : 60]. Неотредактированный текст отражает действительность живой речи, а профессионализмы лишь подчеркивают ее ситуативность.

Введение профессионализма в текст в качестве моделирующей функции используется не только в речевой характеристике героев, но и в авторской речи журналиста: *«Приглашает посмотреть только что поданный состав **порожняка**»* (Т № 14, 1980); *«Стал **дальнобойщиком**, о чем еще ни разу не пожалел, хотя работает как проклятый...»* (НП № 3, 2006). Этот прием позволяет показать сопричастность автора с той проблемой, о которой он пишет; его компетентность в данной области. Текст, в который включены профессионализмы, становится похожим на устную речь. Это позволяет читателю почувствовать себя участником событий и глубже вникнуть в их суть.

Одним из способов образования профессионализмов является компрессия: когда из составного наименования устраняется слово, которое передает свое функционально-смысловое значение оставшемуся слову, усложняя (конденсируя) его содержание. Отличительной чертой таких наименований являются краткость и семантическая емкость (ср.: *система гидравлического привода тормозов – гидравлика*) – качества, лежащие в основе журналистского текста. Таким образом, намечается вторая цель использования профессионализмов в газетных публикациях – экономия языковых средств. В примере: *«У каждого (цеха) была своя **гальваника**, производство печатных плат и*

инструменталка» (ПП № 3, 1998) – профессионализмы *гальваника* и *инструменталка* используются вместо словосочетаний гальванический цех и инструментальный цех, значительно сокращая фразу, но сохраняя ее смысл и разговорные особенности.

В профессиональной речи автомобилистов вместо официального названия, включающего номен определенной модели – *автомобиль ВАЗ-2108*, используют профессионализм, указывающий на номер данной модели – *восемерка*. Подобные профессионализмы получили широкое распространение в общенародной речи и охотно используются журналистами: «Так, *пятерка* подорожала на 3,5 тысячи..., а цена на *шестерку* с двигателем от вазовской *трешки* объемом 1,5 л поднялась на 2,5 тысячи. Незначительно, но увеличилась стоимость *четверок* и обычных *шестерок*» (МК, № 45, 2005); – «На дедовых *копейках* и *трешках* полстраны училось водить...; *пятерки* и *шестерки* передавали по наследству...» (Т № 14, 1980); – «... "Хендэ Акцент" и, уж конечно, вазовскую *десятку*» (АиФ № 51, 2005) и т.д.

Номинативные профессиональные наименования играют «ведущую роль в коммуникативном процессе» [Лукьянова, 1986 : 3] и выступают опорными «как понятийно-логические (объективные) ключевые» слова [Степанова, 2004 : 27]. Они служат названием основных объектов, явлений, действий и «сжато передают тема-рематическое движение информации» в конкретном тексте, точно определяя тему публикации [Степанова, 2004 : 27]. Но в производственной речи существуют не только номинативные профессионализмы.

Большинство профессиональных названий имеют эмоционально-экспрессивно-оценочную окраску. Коннотативное значение как дополнение к основному денотативному считается закономерным и реализует коммуникативно-эмотивную функцию языка. Именно экспрессия определяет воздействующую силу слова. Поэтому экспрессивность как категория «номинативно-прагматическая» необходима журналистике, которая постоянно ищет новые источники и пути воздействия на читателя. Это определяет третью цель использования профессиональной лексики в газетном материале – воздействие на читателя.

В публикации на тему новостроек находим профессионализм *стены гуляют*: «Здесь и очень качественная кладка кирпича, все четко и строго, стены нигде не *гуляют*»...» (КП-Да! № 83/20, 2005). Профессиональное наименование содержит эмоциональную сему иронии с отрицательной оценкой обозначаемого явления. Экспрессивно-

эмоциональная окраска слова на фоне литературно-нейтральной лексики, притягивая к себе внимание, подчеркивает, закрепляет положительный смысл всего высказывания.

На производстве для человека наибольшую важность представляет объект, с которым он связан непосредственно в процессе работы: механизм, станок, машина. Для автомобилистов и летчиков таким объектом является машина – автомобиль или самолет. Свое отношение к машине человек выражается словами с коннотативными семами: «...с 1943 года Покрышкин воевал на “Аэрокобре”, которую ласково называл **кобряткой**» (Т 11 ноября, 2005). Часто в основе профессионального новообразования лежит номенклатурный знак. К нейтрально-безликому номену (Ту, Ан, Су, Як – в авиации; ГАЗ, ВАЗ, ЛИАЗ – у автомобилистов) добавляется суффикс, причем чаще суффикс субъективной оценки, и названия становятся похожими на имена и клички: *тушка*, *Аннушка*, *Яшка*, *газик*, *лиазик* и т.д. Подобные обозначения, как и номинативные профессиональные наименования, выступают в качестве ключевых слов, окрашивая семантическое поле всего контекста той эмоциональной информацией, которую несут в себе: «Еще 6 **тушек** отправятся бороздить китайские небесные просторы» (ЕР № 33, 2005); «Уже потом, когда пришел новый **газик**, Василий перешел на него» (И № 24, 1980); «В этом году в регионы поставлена 3931 **Окушка**» (АиФ № 49, 2005); «Такие **рафики** оборудованы пишущими машинками, диктофонами» (Т № 14, 1980); «По дороге из Гехи в Грозный следует красный **жигуленок** с пятью пассажирами...» (АиФ № 49, 2005).

Профессиональная лексика имеет в своем составе слова, содержащие семы неодобрения, пренебрежения, презрения: *бугорок* – старшая дежурная; *навалить браку*, *бледня* и т.д., которые сближают их с жаргонизмами. Профессионализмы, пограничные с жаргонизмами, используются как эффектный прием речевого контраста: «Где **кирзачи** генералов?» (АиФ № 49, 2005). Подобные профессиональные наименования связаны с коммуникативным процессом в трудовой деятельности. У автомобилистов, например, они касаются процесса отношений с официальными органами таможни, ГИБДД и т.п.: «Оформление документов затягивается, и мы вынуждены простаивать в **тигрятнике** по двое-трое суток» (МЛ № 7, 2005). «Тигрятник» как нельзя лучше отражает эмоциональное состояние водителей автомашин, ожидающих очереди на отгороженной площадке; «Хотя линейный отдел находится неподалеку, а совсем рядом – милицкий **киоск** с обезьянником...» (НГ № 90, 2005). Пренебрежительная эмоциональная окраска в слове *киоск* подчеркивает пре-

зрительную сему в слове *обезьянник* (отгороженное место в отделении милиции для временно задержанных граждан). В примере: «*Правительство это делает специально, чтобы мы не мешали на дорогах членовозам с мигалками*» (АиФ № 51, 2005) рядом с вульгарным *членовозы* соседствует пренебрежительное *мигалки*, означающее лампу светового сигнала на крыше автомобиля.

Использование подобных профессиональных наименований в языке газет может быть оправдано стремлением журналиста привлечь внимание читателя к поставленной проблеме путем демонстрации эмоционального отношения к объекту, заключенному в семантике слова. «Оценочные, или экспрессивные (субъективные), ключевые слова выражают преобладающую в тексте авторскую оценку. ... Следовательно, такие ключевые слова в наибольшей степени помогают понять авторскую позицию, идею текста» [Степанова, 2004 : 27].

Кроме эмоционально-оценочной окраски профессиональные названия обычно содержат в своем значении яркий образ: «*Он был задержан сотрудниками милиции, они **прочесывали** посадки в поисках сообщника*» (ПП № 3, 1998). Глагол *прочесывали* из профессиональной речи работников правозащитных органов обладает экспрессией и образностью и как нельзя лучше представляет описываемое действие. Кроме того, данный профессионализм известен широкому кругу носителей языка, и легко воспринимается читателем.

С помощью образных строительных профессионализмов автор буквально рисует пейзаж: «...*везде строительные площадки, ворочатся длинные **шеи** строительных кранов...*»; «*Кое-кто из застройщиков до сих пор отдает предпочтение возведению безликих **коробок***» (КП-Да! № 157, 2005).

Образность – характерная черта профессионализмов всех областей производства: «*Прекрасные люди работают в **сладком** цехе*» (МЛ № 4, 1982) – безликое официальное наименование *кондитерский* заменено на понятное *сладкий*, вызывающее соответствующие ассоциации; «*Удар в лоб*». *Разбиты автомашины...*» (МЛ № 4, 1982) – лаконичность и образность в профессионализме автомобилистов; «*Причем модернизируется не только **железо**, но и **математика***» (РГ № 253, 2005) – образность электронно-вычислительных профессионализмов окрашена семами иронии.

Неофициальная профессиональная лексика находится за пределами литературной нормы, поэтому как просторечные или жаргонные слова она обычно в газетном тексте берется в кавычки. Но в настоящее время, когда «изменились пороги смелости, мера допустимости, норма стала более свободной» [Костомаров, 1994 : 69], журналисты не все-

гда используют кавычки для выделения профессионализмов (что наглядно демонстрируют приведенные примеры).

Профессионализмы, выполняющие функцию непосредственного изображения действительности, называющие реалии, процессы, свойства, характерные для какой-либо специальности, становятся основополагающим элементом газетного текста.

Как продукт практики профессионализм делает речь конкретной и легко усваиваемой не только рядовыми представителями той или иной отрасли производства, но и широким кругом людей, соприкасающихся с этой средой. Он становится предпочтителен термину, дающему научное, обобщенное, часто с использованием иноязычных корней, название объектам, явлениям, действиям. Профессиональные названия позволяют быстро и доступно ознакомиться с производством, а эмоциональность профессионализмов делает этот процесс интересным. Эти качества профессионализмов становятся необходимыми журналистам, которые стремятся привлечь внимание массового читателя к определенной профессиональной области, к проблемам в ней.

Анализ функционирования профессиональной лексики в газетных текстах показал, что профессионализмы используются в различных целях:

- 1) для стилизации текста, выполняя информативную функцию;
- 2) для краткости, экономя речевые средства;
- 3) для создания образности и эмоциональности, реализуя коммуникативно-воздействующую функцию.

Профессионализмы активно используются в публицистическом стиле в языке газет, отвечая основным его целям и задачам.

4.5. Профессионализмы в художественном тексте

При лингвистическом анализе художественного произведения языковые средства его должны рассматриваться, по мнению А. И. Горшкова, не как «язык», т.е. не как механическое сочленение в тексте лингвистических форм и приемов (= языковой материал), а как «стиль», т.е. “языковая реальность”, само функционирование языка, исходя из которого выявляются конкретные случаи употребления, использования элементов общенародной языковой системы» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003 : 197]. Обычно после рассмотрения изобразительно-выразительных лексических средств художественного стиля обращают внимание на иностильную лексику как специальный художественный прием. Привлекает внимание исследователей и нелитературная лексика: само-

бытность диалектизмов, эмоциональность и образность просторечных слов, экспрессия жаргонизмов. Профессионализмам, также относящимся к нелитературной лексике, уделяется незаслуженно мало внимания.

Профессиональные наименования занимают большое место как в языковой системе, так и в речевой деятельности человека, который половину своей жизни проводит в профессиональном общении. Художественная литература, отображая реальную жизнь человека, не может обойти вниманием его профессиональную деятельность. Не случайно в 60–70 гг. XX в. появился новый жанр художественной литературы – производственный роман. Авторы таких произведений пропагандируют трудовую деятельность человека разных профессиональных сфер, передовые методы производства, воспевают творческую личность человека труда. В подобной литературе довольно широко используются профессионализмы.

Профессиональные слова, употребляемые в устной речи при неофициальном общении в условиях профессионально-производственной ситуации и обозначающие объекты этой ситуации, встречаются в текстах, рассчитанных на широкую аудиторию, не так часто, как, например, разговорно-просторечная лексика. Однако художественная речь не может обойтись без профессионализмов, отражающих особые реалии. В них писатели находят возможность стилизации художественного повествования, создания реалистичности обстановки, речевой характеристики героя, придания эмоциональной оценки явлению. Частота и особенности употребления профессиональных наименований зависят от характера изложения материала, адресации текста и его целей. Для анализа были специально отобраны произведения, различные по жанру, написанные разными авторами и в разное время: Б. Володин «Боги и горшки» (повести, 30-е гг.), Ф. Гладков «Цемент» (роман, 1925 г.); Б. Горбатов «Непокоренные», «Донбасс» (повести, роман 50-е гг.), Ю. Крелин «На что жалуетесь, доктор?» (повесть, 1979 г.), В. Кочетов «Журбины» (роман, 1952 г.), Б. Полевой «Повесть о настоящем человеке» (1946 г.), Н. Федотов «Близко к сердцу» (рассказы и повести, 60-е гг.), М. Шагинян «Гидроцентральный» (роман, 1930–1931 гг.), В. Шукшин «Живет такой парень» (киноповесть, 60-е гг.).

Одной из главных предпосылок использования профессионализмов в речи является их информационная насыщенность, поэтому профессиональные наименования в художественном тексте часто выполняют номинативную функцию: называют различные производственные процессы, орудия и средства труда, сырье, продукцию и т.п.

Они дают названия конкретным предметам, явлениям, действиям, которые необходимо затронуть при описании производственной действительности автором художественного произведения.

Номинативные профессионализмы в художественном тексте обычно используются двумя способами: без пояснения и с раскрытием их содержания. Без пояснений употребляются профессионализмы, получившие широкое распространение и вошедшие в фонд общеупотребительной лексики, например: *«Мересьев, охранявший со своей **четверкой** воздух над местом атаки, хорошо видел сверху, как заматались по аэродрому темные фигурки людей, как стали грузно расползаться по накатанному снегу **транспортники**, как **штурмовики** делали новые и новые заходы и как пришедшие в себя экипажи **юнкерсов** начали под огнем выруливать на **старт** и поднимать машины в воздух»*. (Б. Полевой) Для военного и послевоенного поколений профессионализмы *транспортники*, *штурмовики*, *юнкерсы* не нуждаются в пояснении. Замена официального названия существительным с количественным содержанием встречается довольно часто и не только в авиационной сфере. Поэтому профессионализм *четверка* не вызывает затруднений при восприятии текста, как и *старт*. Такими же понятными из-за широкого распространения являются профессионализмы в следующих примерах: *«Они часто не регистрировали рабочих и, перейдя на **сдельщину**, не представляли договоров и условий в соответствующие учреждения»*; *«Десятники и техники стали манкировать...»* (М. Шагинян). Даже если профессиональное наименование не имеет широкого распространения, его значение может быть понятно либо из контекста, в котором употреблено слово, либо из образа, содержащегося в семантике слова. *«На одном из участков **запальщик**... стал глушить рыбу в канале динамитом»*; *«А наравне со старой **сушильней** уже действует новая, полученная из Германии ...»* (М. Шагинян); – *«...с невеселой усмешкой вгонял **костыль** в шпалу одним метким ударом»* (Н. Федотов). Профессиональные названия, выполняющие функцию непосредственного изображения действительности, называющие реалии, процессы, свойства, характерные для какой-либо специальности, становятся основополагающим элементом художественного текста.

Но не все профессионализмы, выступающие в номинативном значении, могут иметь положительный коммуникативный результат без специальных пояснений содержания именуемых ими понятий. В художественных текстах нет особого различия в формах использования и способах раскрытия значения таких профессионализмов. Функционирование профессионализмов с пояснением, описанием

значения, с одной стороны, усиливает номинативную функцию, а с другой – производит стилистический эффект, так как подчеркнуто выражает принадлежность слова к иной сфере реального функционирования – профессионально-производственной. В способах описания содержания заметно выделяется дефиниция. Этот тип отличается объективностью содержания и стандартной, часто фиксированной композицией (указание на ближайшие родовое и видовое отличия), например: «*Существуют два главных рода шерстяных тканей: **аппаратные** (или шерстяные) и **камвольные** (или гарусные). Это различие заключается в совершенно разных принципах производства*» (М. Шагинян); «*...с помощью гибких реек – **правил**, которые в нужных точках закрепляются гвоздями – **крысами** ...*»; «*...он разглядывал стапельный кран, по верху которого полз вспомогательный краник – **петушок** ...*» (В. Кочетов); «*... вот этот верхний столб потолка – **верхняк**, или **матка**, эти боковые – **стойки**, а был бы еще нижний столб, он был бы **лежак**, или **порог**, и тогда дверной оклад был бы полный*» (Б. Горбатов). В последнем примере профессионализмы *верхняк* и *лежак* поясняются через профессиональные же наименования, но имеющие более широкое распространение и поэтому понятные большинству читателей. «*Скорый-то у нас **проходной**... И насчет товарных настоящего понятия не имеешь, – опять прозрачно намекает на ее оплошность старик. – **Товарные**, а особенно **наливные**, **идут** теперь все большие **насквозь** – называется **зеленой улицей!***» (Н. Федотов).

Однако в художественных текстах не всегда применяется фиксированная композиция и тогда пояснение дается через подробное описание с включением ситуативных деталей: «*Летчик Алексей Мересьев попал в двойные **клещи**. Это было самое скверное, что могло случиться в воздушном бою. Его, расстрелявшего все боеприпасы, фактически безоружного, обступили четыре немецких самолета и, не давая ему ни вывернуться, ни уклониться с курса, повели на свой аэродром... А получилось это все так. Звено истребителей под командованием лейтенанта Мересьева вылетело сопровождать **ИЛы**, отправлявшиеся на штурмовку вражеского аэродрома. Смелая вылазка прошла удачно. **Штурмовики**, эти **летающие танки**, как звали их в пехоте, скользя чуть ли не по верхушкам сосен, подкрались прямо к летному полю, на котором рядами стояли большие транспортные **юнкерсы**. Неожиданно вынырнув из-за зубцов сизой лесной гряды, они понеслись над тяжелыми тушами **ломовиков**, поливая их из пушек и пулеметов свинцом и сталью, забрасывая хвостатыми снарядами*» (Б. Полевой).

*«Аппаратная» ткань выделяется из аппаратной пряжи, которая образуется путем расчески всей массы шерсти, без единого отброса. В аппаратную пряжу идет и длинное волокно, и пушистые волоски, и **обчески**, и просто пух, застревающий, как кусочки ваты, между шерстяными волосками. Понятно, что такая пряжа должна быть пухлой, мягкой и неровной, хотя бы и невидимо для глаза. Я говорю “невидимо”, потому что новейшие аппараты (машины, чешущие шерсть) выпускают такие идеальные волны шерсти, что вы ни за что не разглядите в них невооруженным глазом каких-либо придатков пуха или неровностей» (М. Шагинян).*

Профессиональная лексика, как принадлежность разговорной речи, отражает многие характерные черты ее, в том числе стремление к краткости, экономии речевых средств, речевых усилий. Это проявляется в большом количестве семантических конденсатов среди профессиональных номинаций, типа: *воздушка, долбежник, летучка, незавершенка, нулевка* и т.п. Данное свойство профессионализмов также используется авторами художественных произведений и по прямой функции экономии речевых средств, и как характерологическое средство.

Если обратиться к приведенному выше отрывку из «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, то увидим, что профессиональное слово *ИЛы* заменяет целое словосочетание «самолеты марки ИЛ», не загромождая как сам текст, так внимание и память читателя. Как средство экономии профессионализмы используются достаточно часто: *ремонтники* вместо «работники ремонтно-восстановительной службы» в отрывке из рассказа «На разъезде» Федотова: *«Лишь в отдалении, возле отцепленного ночью “больного” вагона, суетливо хлопочут вызванные **ремонтники**...»* и *грузовик* вместо грузовой автомобиль в его же рассказе «Окончательное мнение»: *«Ждут своей очереди полуразобранная сеялка, неокованная телега, желтеет ... откидной щит кузова **грузовика**»*. У М. Шагинян: *«Вырвав из его рук **трамбовку**, стал Фокин торжественно уминать приятную влажность бетона...»*. Или: *«Тут же мирно болтается на перевязи кожаный футляр с сигнальными флажками... Затем... аккуратно вложил в чехол свернутый **сигнал** и... ушел в будку»*. (Н. Федотов). Здесь лаконичное «сигнал» заменяет терминологическое сочетание «сигнальный флажок», употребленное ранее в тексте. Таким образом, слово *сигнал* остается понятным для читателя, а автор умело избегает тавтологии.

Трансформирующая функция служит передаче подлинной устной неофициальной профессиональной речи, что обеспечивает в ху-

дожественной литературе реалистический метод. Авторы часто используют прием стилизации, т.е. изображение профессиональной речи путем отбора некоторых характерных ее свойств и введение их в речь героев. Поэтому профессиональные слова чаще встречаются в диалогах, создавая яркие речевые характеристики героев. 1. *«И верно, Илья Матвеевич, путаешь, – поддержал Алексей Тарасов, знаменитый на заводе специалист по **центровке** корабельных валов, – корпус без машины не корабль, а простые **корыта**. – А вот на простом **корыте** мореходы и плавали! – Илья Матвеевич снял чашку с блюда...»* (В. Кочетов). 2. *«Почему не побежали? Побежали. Поздравили. С внуком поздравили. А в общем-то крутой был разговорчик. По графику, когда мы должны спустить **коробку** на воду? Не забыли? Ну вот, получен приказ: чтобы она была у **достроечной**...»* (В. Кочетов). 3. *«Вот перейдем с **клепки на сварку**...»* (В. Кочетов). 4. *«Нет, Коля, сделай снимок еще раз, ниже на бедре. Посмотрим, если **глубокие бедренные** хорошие, сделаем все из живота»* (Ю. Карелин). 5. *«Да, переменял, – подтверждает Пармен. – Вот как сделал ты мне предложение, как к **жернову ступицу воротом** крепить, чтоб колесо при **ошиновке** по камню не трепало, тут я и переменял»* (Н. Федотов). 6. *«**Дульщика** из тебя, конечно, не будем делать, жалко из такого парня **дульщика**-то делать... Но только и кузнец кузнецу рознь!»* (Н. Федотов).

Используются профессионализмы и в житейских рассуждениях героев: *«А мы, пожилые люди, которые корабельную премудрость начали познавать с **клепальщиков** и слесарей, видим в вас не только дипломированную абстракцию...»*; и в репликах, характеризующих других героев произведения: *«Технолог-корпусник! Разве такие, круглоглазые, с черными бантиками в косах, должны работать на **стапеле**!»* (В. Кочетов).

В первых двух примерах диалог ведется не в производственной, а в бытовой ситуации, чем подчеркивается значимость трудовой деятельности, которая естественным образом пронизывает всю жизнь рабочего человека: его мысли постоянно возвращаются к производству, к общему делу. Профессионализмы тем самым способствуют реализации целевой установки автора – представить читателю пример для подражания.

Введение профессионального наименования в текст в качестве моделирующей функции используется не только в речевой характеристике героев, но и в авторской речи. Так, профессионализм *состав* – цепь вагонов, соединенных между собой – синонимично общеупотреб-

бительному слову «поезд», однако железнодорожник использует именно *состав*, тем самым выделяя свою отнесенность к социально-профессиональной группе. Это использует автор для стилизации описываемой им ситуации: «...она ... останавливается как вкопанная: на отчетливо поблескивающих рельсах нет ни одного **состава**» (Н. Федотов). Профессиональная лексика помогает более точно отобразить происходящее, а также создает особенный «колорит» эпизодов.

Непринужденность неофициального профессионального общения позволяет проявиться эмоционально-экспрессивным качествам речи в небрежности, легкости, яркости наименований: *вертушок, деэска, истребиловка, начуча, яшка*. Большинство профессионализмов имеют эмоционально-экспрессивно-оценочную окраску значения и, употребленные в тексте, они оказывают воздействие на чувства читателя, делают речь героев яркой и живой: «И вот, представь, – корабль попадает в шторм баллов на десять-двенадцать. Тут его и **на изгиб, и на излом, и на скручивание берет**...» (В. Кочетов). Используемый автором оборот *берет на...*, употребленный в переносном значении, несет в семантике достаточно сильную импульсивность, которая рождается из ассоциативных образов, часто используемых в разговорной речи: брать за горло, брать за живое, брать в бою, брать приступом, брать в оборот, свое берет и т.п. Они синонимичны словам *хватать, захватывать, схватить*, которые означают быстрое и интенсивное действие. Слово «*захватывать*» приводится как синоним в определении значения слова «*брать*» во многих толковых словарях. Сочетание глагола *брать* с отглагольными существительными *изгиб, излом, скручивание*, содержащими в значении семы напряженного действия, придает еще большую интенсивность динамике явления. Таким образом автор создает живое и действенное повествование.

Не менее часто профессиональные наименования с коннотациями используются в описаниях, в авторской речи: «Вдали слышались удары пневматической **бабы копра**...» (В. Кочетов). Профессионализм *баба* распространен в разных отраслях производства и везде несет семантическую концентрацию силы, размера и грубоватой неотесанности, неуклюжести. «**Флюс** их не пропускает...» (В. Кочетов) – яркий образ, содержащийся в данном профессиональном наименовании, подчеркивает качество явления: неестественная выпуклость, затрудняющая манипуляции с предметом, на котором оставлен этот брак.

«Лепили из нее **ребра** океанских теплоходов...» (В. Кочетов) – профессионализм *ребра* дает возможность визуально представить остов строящегося корабля без обшивки, а также вносит одушевлен-

ность в железный объект, подчеркивая важность его для участников производственного процесса, героев произведения, автора и читателя. Интересно, что профессиональное слово *ребра* есть не только в речи кораблестроителей, но и строителей, и производителей бетона: «*Норд-осты изгрызли льдистые стекла, горные потоки оголили железные **ребра** бетонов...*» (Ф. Гладков). Видимо, строитель ассоциирует себя с ваятелем, который творит нечто важное, вкладывает душу, одухотворяет предмет и одушевляет его.

«*С хрустом жевал сталь мощный **пресс-гильотина**...*», – здесь, думается, использовано авторское новообразование на основе профессионализма для создания экспрессии – мощь и неотвратимость описываемого процесса.

Использование профессионализмов в авторской речи не случайно. В отличие от терминов, делающих язык строгим, научным, профессионализмы придают речи неофициальный разговорный характер. Кроме того, термины несут обобщенно-абстрактное наполнение значения, а профессионализмы в основном конкретны. В отличие от научного художественный текст личностно ориентирован, поэтому конкретные профессионализмы с их образной экспрессивностью способствуют формированию важных черт художественного стиля – выразительности, образности, яркости и доступности, являющихся основой воздействия на читателя. Например: *коробка* – в значении «необработанный корпус корабля» указывает на «пустоту», незавершенность; *сварной корабль, холодная обработка* – содержит указание на способ изготовления и характеристику процесса. Это помогает создать «иллюзию присутствия» у читателя.

Кроме образности и экспрессии, профессионализмы содержат семы эмоций. Часто эмоциональное содержание, связанное с тем, что понятие опосредуется через восприятие его человеком на субъективном эмоционально-чувственном уровне, придает дополнительные яркие значения профессиональному слову. Созданию эмоциональной окраски профессионализма способствуют словообразовательные средства языка, в частности суффиксы: «*А вот, Саня, – сказал он, – для того и срок нам сокращают, чтобы после этого заложить целеносварную океанскую **коробочку**...*» (В. Кочетов). Уменьшительно-ласкательный суффикс -очк- в слове *коробочка*, которое сочетается с прилагательным *океанский* (следовательно, большой, огромный), указывает на особое отношение к лайнеру – нежное, как к любимому дитищу. В профессионализме *петушок* суффикс субъективной окраски создает ласкательное эмоциональное отношение к предмету, подчер-

кивая его маленький размер: «...по верху которой полз вспомога-
тельный краник – **петушок**...».

«На тракте в сторонке стоит **козлик**. Под **козликом** – шо-
фер, а рядом – молодой еще, в полувоенном костюме, председатель
колхоза Прохоров Иван Егорович. Надежды, что **козлик** побежит,
нет. Прохоров **голоснул** одной машине, она пролетела мимо. Другая
притормозила» (В. Шукшин). Перед нами два профессионализма,
один из которых обозначает автомобиль (ГАЗ-52), другой – действие.
Причем в тексте преобладает первый, называющий объект, вокруг
которого и разворачивается действие. Много характеристик одно-
временно дает это точное профессиональное наименование отече-
ственного «вездехода». Однако явно выделяется с помощью суффикса
-ик- эмоция благодарной нежности к грубоватой железной автома-
шине. Профессионализмы выполняют здесь художественную, эсте-
тическую функцию.

В профессиональной речи можно встретить нестандартные об-
разования, например: *деревяга* – деревянные части корабля. Данное
слово образовано по аналогии со словами *бродяга*, *дворняга* суффик-
сальным способом. Суффиксы -аг-, -яг- характерны для образования
слов, называющих одушевленные предметы, что подчеркивает эмо-
циональное значение, содержащееся в слове: одобрительно-иро-
ническая окраска в отношении «живого» предмета. Такой творческий
подход к словообразованию в сфере профессиональной лексики де-
лает художественный текст богаче, интереснее, ярче и живее.

Не только словообразовательные средства создают эмоциональ-
но-экспрессивный фон профессиональной речи, но и семантическое
переосмысление слова, употребленного в производственной ситуа-
ции: «*Не случись этой обшивки, выполнили бы. **Зарежет** она нас,
кто только ее придумал*» (В. Кочетов). Слово *зарежет*, обозначаю-
щее «убить режущим оружием», достаточно экспрессивно в первич-
ном значении. В необычном сочетании *обшивка нарежет*, которое
подразумевает, что «работа с обшивкой помешает выполнить наме-
ченный план в срок», сочетаются яркая экспрессия и эмоциональная
сема сожаления, досады.

Профессионализмы различны по своему эмоциональному со-
держанию. Наряду с *коробочкой* употребляется небрежно-фамильяр-
ное *коробка*: «*По графику, когда мы должны **коробку** спустить?*»
Неодобрительное, даже презрительное отношение видится в профес-
сионализме *корыто*: «*А вот на простом **корыте** первые мореходы и
плавали...*» (В. Кочетов). Многие профессиональные наименования
содержат в себе эмоциональные шуточные или презрительно-фа-

миллиардные семы. Одним из объяснений такого положения может служить психологическая защита человека. Шутка делает несерьезным отношение к чему-либо, презрение проявляется, когда человек хочет показать свое превосходство. Низводя до шутки или презрения свое отношение к грохочущей, давящей размерами, стремительностью действия, требовательной окружающей производственной обстановки, человек притупляет таким образом ощущение своей немогучести перед громадными машинами, убеждает себя в том, что он способен справиться с ними и подчинить их собственной воле. Используя подобные профессиональные названия, автор показывает, что герой произведения «на ты» с производством, хорошо разбирается в нем.

Профессионализмы своей доступностью и яркостью помогают автору привлечь внимание массового читателя к определенной профессиональной области.

Итак, анализ функционирования профессиональной лексики в художественных текстах показал, что профессионализмы реализуют основные функции языка:

- функцию сообщения, или информационную;
- коммуникативную функцию, которая проявляется не только в диалогах героев произведения, но в понятности, доступности всего текста, содержащего профессиональное наименование, читателю;
- функцию экономии речевых средств и речевых усилий;
- эмотивную функцию языка, которая способствует развитию интереса к профессиональной лексике, формируя, в свою очередь, следующую функцию;
- когнитивную функцию. В этом роль профессионализмов в художественном тексте сближается с ролью в публицистике.

Таким образом, наши исследования показывают мощный жизненный потенциал профессиональной лексики, широко функционирующей в системе русского литературного языка.

Заключение

Профессиональные наименования, являясь частью лексической парадигмы общезыковой системы, обслуживают четко определенную сферу профессионально-производственных отношений. Это определяет социальную и лингвистическую ценность рассматриваемого явления и дает возможность гипостазировать профессиональную речь как подсистему национального языка, которая существует в более мелких субъязыках конкретных профессионально-производственных отраслей.

Профессионализмы функционируют в диалогах и полилогах устной формы речи, лапидарны, в основном спонтанны по образованию. Непосредственность общения приводит к наличию ярких оценочных и эмоционально-экспрессивных номинаций. Функционируя в разговорной речи, профессионализмы занимают собственное место среди нелитературных разновидностей функциональной структуры национального языка наряду с диалектами, социальными жаргонами и просторечием.

В формировании профессионального дискурса важную роль играет речевая ситуация как составляющая коммуникативного акта. Являясь исходной точкой речевого действия, она конкретизирует смысл информации в зависимости от обстоятельств, в которых происходит речевое взаимодействие. Профессиональный дискурс характеризуется «полуофициальностью» коммуникативной ситуации, где главную роль играют правила речевого поведения, выработанные в процессе социального взаимодействия, а не этикетные нормы. Это определяет вторую черту, характерную для всех отраслевых дискурсов, а значит, общую для профессионального дискурса. Именно неофициальный характер профессионализмов, составляющих профессиональную речь, служит главной характеристикой, отличающей их от терминов.

Общее функциональное отношение (объективное и субъективное) профессионализмов является связующим фактором для них в целую совокупность, выступающую средством социально-профессионального взаимодействия людей в производственной деятельности. В этом случае следует говорить о взаимной детерминации языковых средств и системы речевой коммуникации [Сидоров, 1987 : 15].

Профессионально-производственные номинации по своей функции предназначены для системно-целесообразной организации разговорно-речевой коммуникации в узкой сфере непосред-

венного производственного общения, которое накладывает ограничения и на отбор, и на употребление соответствующих языковых средств. Таким образом, профессиональная лексика представляет особую совокупность номинаций, которые выбраны из ресурсов языка и скомбинированы для выполнения задач оптимального общения в каждом отраслевом дискурсе.

Анализ материала показал, что профессиональная лексика, выполняющая номинативную функцию и соотносящаяся своим предметно-логическим значением с денотатом, количественно примерно равна номинациям, выполняющим эмотивную функцию воздействия коннотациями. Преобладают профессионализмы, которые заключают в своей семантике денотативно-коннотативные части и способны выполнять номинативную и экспрессивно-эмотивную функцию воздействия одновременно. Номинативные профессиональные лексемы, в которых доминирует денотатное значение, рисуют общую картину профессионально-производственной отрасли, а профессионализмы с коннотатным составом, представленным экспрессивными, эмотивными и оценочными семами, наполняют картину жизнью, делают ее реальной, а не абстрактной.

Несмотря на то, что профессиональные слова употребляются в устной неофициальной речи на производстве, они не могут быть тождественны словам разговорно-бытовой речи, так как обладают достаточным количеством специфических признаков, что позволяет выделить их в цельную лексико-стилистическую группу. Это продемонстрировал проведенный нами анализ функционирования профессионализмов в текстах разной стилевой принадлежности.

Так, в официально-деловом стиле, лексика которого отличается официальностью и значительной долей антиэмоциональности, коннотатная окраска профессионализмов отходит на задний план. Их основная функция – точнее передать контекстуальный и ситуативный смысл речи.

В научных текстах профессионализмы достаточно частотны, поэтому необходимо заключать их в кавычки для обозначения иностильного характера слова. Это условие особенно важно соблюдать при наличии синонима в официальной терминосистеме. Кроме того, профессиональные наименования требуют пояснения своего значения для однозначности толкования.

Как продукт практики профессионализм делает речь конкретной и понятной не только представителям той или иной отрасли производства, но и широкому кругу людей, соприкасающихся с этой средой. Он становится предпочтителен термину, дающему научное,

обобщенное, часто с использованием иноязычных корней, название объектам, явлениям, действиям. Профессиональные названия позволяют быстро и доступно ознакомиться с производством, а эмоциональность профессионализмов делает этот процесс интересным. Эти качества профессионализмов становятся необходимыми журналистам, которые стремятся привлечь внимание массового читателя к определенной профессиональной области, к проблемам в ней. Профессионализмы активно используются в публицистическом стиле в языке газет, выполняя различные цели:

- 1) стилизация текста (информативная функция);
- 2) краткость, экономия речевых средств;
- 3) создание образности и эмоциональности (коммуникативно-воздействующая функция).

В художественных текстах, так же как и в публицистических, профессионализмы реализуют основные функции языка:

- 1) функцию сообщения, или информационную;
- 2) коммуникативную функцию, которая проявляется не только в диалогах героев произведения, но и в понятности, доступности всего текста, содержащего профессиональное наименование, читателю;
- 3) функцию экономии речевых средств и речевых усилий;
- 4) эмотивную функцию языка, которая способствует развитию интереса к профессиональной лексике, формируя, в свою очередь, следующую функцию;
- 5) когнитивную функцию.

Изучение функциональных особенностей профессиональной лексики позволило четко очертить ареал ее жизнедеятельности, увидеть степень распространения профессиональных единиц в национальном языке, выяснить внутренние причины жизнеспособности профессионализмов.

Список литературы

1. Lewandowski, T. *Linguistisches Wörterbuch* / T. Lewandowski. – Heidelberg : Quelle und Meyer, 1973. – 362 S.
2. Zima, J. *O expressivnosti substantivnich deminutiv v cestine* / J. Zima // *Slovo a slovesnost*. – Praha, 1958.
3. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – М., 1966.
4. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений (Оценка. Событие. Факт) / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
5. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
6. Баранникова, Л. И. Просторечие как особый социальный компонент языка / Л. И. Баранникова / *Язык и общество*. – Саратов, 1974. – Вып. 3.
7. Бельчиков, Ю. А. Стилистика и литературное редактирование / Ю. А. Бельчиков ; под ред. проф. В. И. Максимова. – М. : Гардарики, 2005.
8. Благова, Н. Г. Научно-технические термины в современной художественной и публицистической речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Благова Н. Г. – Л., 1976.
9. Богданов, В. В. Текст и текстовое общение / В. В. Богданов. – СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 1993. – 68 с.
10. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963. – Т. 1.
11. Бондарко, А. В. К истолкованию понятия «функция» / А. В. Бондарко // *Известия АН СССР. Сер. Лит. и язык*. – 1987. – Т. 46. – № 3.
12. Борботько, В. Г. Элементы теории дискурса / В. Г. Борботько. – Грозный : Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981.
13. Булыгина, Т. В. О границах и содержании прагматики / Т. В. Булыгина // *Известия АН СССР. Сер. Лит. и язык*, 1981. – С. 333.
14. Вакуров, В. Н. Термин в газете / В. Н. Вакуров // *Рабоче-крестьянский корреспондент*. – 1981. – № 4. – С. 63–66.
15. Современный русский язык : учеб. / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина ; под ред. Н. С. Валгиной. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Логос, 2002. – 528 с.
16. Виноградов, В. В. К теории литературных стилей / В. В. Виноградов // *О языке художественной прозы : избр. тр.* – М., 1980. – С. 240–249.

17. Винокур, Г. О. Поэтика. Лингвистика. Социология (методологическая справка) / Г. О. Винокур // Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. – М., 1990. – 452 с.
18. Винокур, Т. Г. Стилистическое развитие современной разговорной речи / Т. Г. Винокур // Развитие функциональных стилей современного русского литературного языка. – М., 1968.
19. Волошинов, В. Н. (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов (М. М. Бахтин). – М., 1993.
20. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. ; Л., 1934.
21. Головин, Б. Н. Термин и слово / Б. Н. Головин // Термин и слово : межвуз. сб. – Горький : ГГУ, 1960. – С. 3–12.
22. Григорьева, А. Д. Язык лирики XIX в. Пушкин. Некрасов / А. Д. Григорьева, Н. Н. Иванова. – М. : Наука, 1981.
23. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспект / В. С. Григорьева. – Тамбов : ТГТУ. – 2007.
24. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон. Гумбольдт ; общ. ред. Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.
25. Гусев, Л. Ю. Номинация и оценка в структуре значения фольклорного слова / Л. Ю. Гусев // Семантика языковых единиц: Ч. 1. Лексическая семантика : докл. 4-й междунар. конф. – М., 1994.
26. Даниленко, В. П. О грамматических особенностях терминов – существительных / В. П. Даниленко // Русская речь. – 1970. – № 6. – С. 63–66.
27. Девкин, В. Д. О видах нелитературной речи / В. Д. Девкин / Городское просторечие: проблемы изучения. – М., 1994.
28. Демьянков, В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В. З. Демьянков // Методы анализа текста : тетради новых терминов. – М. : ВЦП, 1982. – Вып. 2.
29. Денисов, П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П. Н. Денисов. – М. : Русский язык, 1980.
30. Дешериев, Ю. Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории / Ю. Д. Дешериев. – М. : Наука, 1977.
31. Дорошевский, В. Элементы лексикологии и семиотики / В. Дорошевский. – М., 1973.

32. Дризе, Т. М. Язык и социальная психология : учеб. пособие для фак. журналистики и филологических фак. ун-тов / Т. М. Дризе ; под ред. А. А. Леонтьева. – М. : Высш. шк., 1980.

33. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях : в двух ч. / В. А. Звегинцев. – М. : Просвещение, 1964.

34. Звегинцев, В. А. Мысли о лингвистике / В. А. Звегинцев. – М., 1996.

35. Земская, Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – М., 1987.

36. Земская, Е. А. Разговорная речь / Е. А. Земская // Русский язык : энцикл. / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Сов. энциклопедия, 1979.

37. Изард Кэрролл, Э. Психология эмоций / Э. Изард Кэрролл ; пер. с англ. – СПб. : Питер, 1999.

38. Капанадзе, Л. А. Современное городское просторечие и литературный язык / Л. А. Капанадзе // Городское просторечие: проблемы изучения. – М., 1984.

39. Каплан, А. Л. Стилистические функции суффиксов и их использование в качестве средств оценки и образности / А. Л. Каплан // Проблемы германской и романской филологии. – Л., 1967.

40. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность. – М., 1989.

41. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация : учеб. пособие для университетов и институтов / Е. В. Ключев. – М. : ПРИОР, 1998.

42. Коготкова, Т. С. Профессионально-терминологическая лексика в газете (Способы раскрытия и введения в текст) / Т. С. Коготкова // Терминология и культура речи / отв. ред. д-р филол. наук Л. И. Скворцов, д-р филол. наук Т. С. Коготкова. – М. : Наука, 1981.

43. Кожин, А. Н. Функциональные типы речи / А. Н. Кожин, О. А. Крылова, В. В. Одинцов. – М. : Высш. шк., 1982.

44. Кожина, М. Н. О диалогичности письменной научной речи / М. Н. Кожина. – Пермь, 1986.

45. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русский язык и литература» / М. Н. Кожина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1983.

46. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1984. – 175 с.

47. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1975. – 231 с.

48. Комарова, З. И. Семантическое противодействие в уменьшительных образованиях существительных (на материале сельскохозяйственной лексики) / З. И. Комарова // Термины и слово : межвуз. сб. – Горький, 1981.
49. Конецкая, В. П. Социология коммуникации / В. П. Конецкая. – М., 1997.
50. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – М., 1994.
51. Кули, Ч. Х. Общественная организация. Изучение углубленного разума / Ч. Х. Кули // Тексты по истории социологии XIX–XX вв. : хрестоматия / сост. и отв. ред. В. И. Добренков, Л. П. Беленкова. – М. : Наука, 1994.
52. Лаптева, О. А. Разговорная речь : лингвистический энциклопедический словарь / О. А. Лаптева ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 407–408.
53. Лейчик, В. М. Особенности функционирования терминов в тексте / В. М. Лейчик. – Ростов н/Д : РГСУ, 2001. – С. 54–55.
54. Лейчик, В. М. Лексика «Аргументов и фактов» / В. М. Лейчик // Журналистика и культура русской речи. – М., 1997. – Вып. 2.
55. Леонтьев, А. А. Основные направления прикладной психолингвистики в СССР / А. А. Леонтьев // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. – М. : Наука, 1972.
56. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1969.
57. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 113 с.
58. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики) / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, 1986.
59. Львов, М. Р. Основы теории речи : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / М. Р. Львов. – М. : Академия, 2000.
60. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990.
61. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – М. : Флинта : Наука, 2003.

62. Мечковская, Н. Б. Язык и религия : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Филология», «История», «Культурология», «Философия», «Теология», «Социальная психология». – М. : ГРАНД, 1998.

63. Миньяр-Белоручев, Р. К. Общая теория перевода и устный перевод / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Воениздат, 1980.

64. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. – М. : Тезаурус, 1998.

65. Моисеев, А. И. О языковой природе термина / А. И. Моисеев / Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М., 1970. – С. 138.

66. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста / Т. М. Николаева / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. – М., 1978. – Вып. VIII.

67. Петров, В. В. Вступительная статья / В. В. Петров, Ю. Н. Караулов // Язык. Познание. Коммуникация / Дейк Г. А. ван.; пер. с англ. – М., 1989.

68. Пешковский, А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык / А. М. Пешковский // Избранные труды. – М. : Учпедгиз, 1959.

69. Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова [и др.]. – М. : Педагогика, 1983.

70. Ревзина, О. Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика / О. Г. Ревзина. – Новосибирск, 2004. – Вып. 7. – С. 11–20.

71. Русская разговорная речь. – М. : Наука, 1973.

72. Сенкевич, М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений / М. П. Сенкевич. – М. : Высш. шк., 1976.

73. Сердобинцев, Н. Я. Соотношение разговорной и книжной речи, приемы введения элементов разговорной речи в нехудожественные тексты произведений первой половины VIII века / Н. Я. Сердобинцев // Структура лингвостилистики и ее основные категории : межвуз. сб. науч. тр. – Пермь : Пермский гос. ун-т, 1983.

74. Сердобинцева, Е. Н. Профессиональная лексика как естественное отражение когнитивной функции языка / Е. Н. Сердобинцева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2006. – № 3 (24).

75. Сердобинцева, Е. Н. Профессиональная лексика как структурная единица языковой системы : моногр. / Е. Н. Сердобинцева; науч. ред. А. Н. Кожин; – Пенза : Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского, 2011.
76. Сердобинцева, Е. Н. Профессиональная лексика современного русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Сердобинцева Е. Н. – Пенза, 2011.
77. Сердобинцева, Е. Н. Типы экспрессивных сем в профессионализмах / Е. Н. Сердобинцева // Проблемы прикладной лингвистики : сб. ст. – Пенза, 2003.
78. Сердобинцева, Е. Н. Профессионализмы в системе специальной лексики и системе национального языка / Е. Н. Сердобинцева // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2012. – № 27.
79. Сидоров, Е. В. Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров. – М. : Наука, 1987.
80. Скребнев, Ю. М. Очерк теории стилистики : учеб. пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей / Ю. М. Скребнев. – Горький, 1975.
81. Словарь иностранных слов. – 14-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1987.
82. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. – М. : АН СССР, Ин-т рус. яз., 1981.
83. Солганик, Г. Я. Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Солганик Г. Я. – М., 1976.
84. Соссюр, Фердинанд де. Курс общей лингвистики // Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. – М., 1977.
85. Степанова, Л. С. Работа с текстом на уроках русского языка и литературы в 9 классе общеобразовательной школы / Л. С. Степанова // Русский язык в школе. – 2004. – № 1.
86. Стилистика русского языка / под ред. Н. М. Шанского. – М. : Просвещение, 1982.
87. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. – М. : Флинта : Наука, 2003.
88. Суперанская, А. В. Заметки о «волшебном зеркале». Серьезный сударь и игривая сударушка / А. В. Суперанская // Журналистика и культура русской речи. – М., 1997. – Вып. 4.

89. Сусов, И. П. Введение в языкознание : учеб. для студентов лингвистических и филологических специальностей / И. П. Сусов. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 379 с.

90. Терехова, В. С. Специальная лексика в языке газет / В. С. Терехова. – Л., 1982.

91. Толикина, Е. Н. О системном отношении терминологического сочетания и фразеологической единицы / Е. Н. Толикина // Проблемы фразеологии. – М. ; Л. : Наука, 1964.

92. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Сов. энциклопедия, 1948.

93. Тулина, Т. А. Роль коннотативного компонента в обеспечении семантической связанности слов / Т. А. Тулина // Системные семантические связи языковых единиц. – М. : Изд-во МГУ, 1992.

94. Филин, Ф. П. Просторечие / Ф. П. Филин / Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Сов энциклопедия, 1979.

95. ФЭС: Философский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1983.

96. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сб. науч. тр. – СПб : Изд-во СПб гос. ун-та экономики и финансов. – 2001.

97. Шаховский, В. И. О лингвистике коннотаций / В. И. Шаховский / Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. – Волгоград, 1979.

98. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания / В. И. Шаховский. – Волгоград, 1983.

99. Шмелев, Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: (К постановке проблемы) / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1977.

100. Якобсон, Р. Избранные работы / Р. Якобсон. – М., 1985.

101. Якубинский, Л. П. О диалогической речи / Л. П. Якубинский // Русская речь. – 1923. – № 1 // Основы теории речевой деятельности. – М. : Наука, 1974.

Научное издание

Сердобинцева Елена Николаевна

**Функционально-стилистические
особенности профессиональной лексики**

Редактор *Т. В. Веденеева*

Компьютерная верстка *С. В. Денисовой*

Дизайн обложки *А. А. Стаценко*

Подписано в печать 20.07.2016.
Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 5,35.
Тираж 500. Заказ № 383.

Издательство ПГУ
440026, Пенза, Красная, 40
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru